Politische Gespenster.

Политическіе Призраки.

Верховная власть и административный произволъ.

Одинъ изъ современныхъ русскихъ вопросовъ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG. (E. BOCK.)
3. UNTER DEN LINDEN 3.
1878.

Кавелин, К. Д.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРИЗРАКИ.

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОИЗВОЛЪ.

ОДИНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ВОПРОСОВЪ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG. (E. BOCK.)
3. UNTER DEN LINDEN 3.
1878.

„Силу революціонныхъ движеній составляютъ не крайнія идеи ихъ вожаковъ, а небольшая доля умѣренныхъ и законныхъ требованій, неосуществленныхъ въ свое время."

Бисмаркъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта брошюра была написана болѣе года тому назадъ, но мы не рѣшались тогда-же её напечатать. Приближалась Восточная война; въ эту сторону было устремлено все вниманіе, направлены всѣ силы русскаго общества. Говорить въ такую минуту о нашихъ внутреннихъ язвахъ было бы и безсердечно и безтактно и безполезно: брошюра прошла бы незамѣченной.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и заставляетъ издать эту книжку теперь, до возстановленія мира.

Война и наши неудачи раскрыли всѣмъ глаза и съ поразительной очевидностью обна-

ружили коренные недостатки нашей правительственной системы. Несостоятельность ея, которую понимали пока все еще немногіе, теперь рѣзко представилась даже недавнимъ ея поборникамъ. Въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій вдругъ всплылъ въ общественномъ сознаніи и началъ горячо обсуждаться вопросъ о необходимости преобразованія нашего государственнаго строя, и большинство мыслящихъ людей, ища, какъ всегда, разрѣшеніе русскихъ вопросовъ въ европейскихъ образцахъ, видитъ въ политическихъ гарантіяхъ европейскихъ государствъ единственный выходъ изъ нашего теперешняго, крайне ненормальнаго внутренняго положенія.

При такихъ обстоятельствахъ мы не только можемъ, но обязаны высказать съ полною откровенностью, свои мысли и взгляды на важнѣйшій изъ современныхъ русскихъ вопросовъ, не дожидаясь окончанія войны. Каждая мысль, каждое соображеніе будутъ теперь кстати и принесутъ свою долю пользы. Наша цѣль —

разъяснить причины зла, которое насъ гложетъ, доискаться до ихъ источника и указать противъ него средства, возможныя по нашимъ особеннымъ условіямъ. Къ несчастію, правдивое слово о такихъ предметахъ можетъ быть сказано нашимъ соотечественникамъ только изъ-за границы и мы прибѣгаемъ къ этому единственному для насъ пути, чтобъ предостеречь ихъ отъ фантазій и призраковъ.

Брошюра эта посвящается государственнымъ дѣятелямъ предстоящаго царствованія. Дай Богъ, чтобъ хоть они остались свободны отъ консервативной и либеральной рутины на европейскій ладъ, отъ которой мы бѣдствуемъ, и не судили обо всемъ по готовымъ формамъ, употребляя ихъ какъ предлогъ для достиженія цѣлей, неимѣющихъ ничего общаго съ справедливостью и пользами Русскаго государства.

Ноябрь, 1877 г.

Политическіе призраки.

Съ иными чувствами встрѣчала Россія, двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, новое царствованіе, чѣмъ смотритъ на него теперь, когда оно, совершивъ много великихъ дѣлъ, окончательно опредѣлилось и обозначилось. Тогда всѣ надѣялись, а многіе глубоко вѣрили, что съ нимъ для Россіи наступитъ новая эра, что наши вѣковыя язвы будутъ залечены, что нестерпимый гнётъ и произволъ, подъ которыми мы задыхались, замѣнятся прочнымъ законнымъ порядкомъ, и подданнымъ Имперіи будетъ удѣленъ хотя скромный уголокъ, гдѣ они могутъ дышать свободно. Теперь этому никто больше не вѣритъ и никто не питаетъ никакихъ надеждъ. Всѣ, одни съ горестью, другіе съ негодованіемъ, видятъ, что вѣра и надежда ихъ обманули. Что у Государя не было недостатка въ доброй волѣ существенно улучшить наше положеніе свидѣтельствуютъ

дѣла, совершенныя имъ въ первыя десять лѣтъ царствованія, — отмѣна крѣпостнаго права во всѣхъ его видахъ, введеніе мѣстнаго самоуправленія, установленіе правильнаго и гласнаго суда, расширеніе права печатнаго заявленія мнѣній, отмѣна дикихъ, варварскихъ уголовныхъ наказаній, смягченіе, хотя бы только на практикѣ, суровыхъ законовъ, дышащихъ вѣроисповѣдною нетерпимостью. Эти важныя мѣры, не говоря о многихъ другихъ, должны бы, казалось, сдѣлать настоящее царствованіе однимъ изъ самыхъ счастливыхъ; а мы видимъ и чувствуемъ, что произволъ, беззаконіе, необезпеченность правъ, гнётъ гражданскій, умственный и нравственный, давятъ насъ по прежнему, нестерпимо. По дѣламъ царствованія надо бы возродиться полному довѣрію къ правительству, надо бы встрепенуться и быстро развиться умственной и промышленной дѣятельности, подняться уровню общественной нравственности, распространиться общему довольству; а на дѣлѣ, недовѣріе, даже, къ сожалѣнію, неуваженіе къ правительству теперь сильнѣе чѣмъ когда нибудь; ропотъ — всеобщій, во всѣхъ слояхъ и классахъ; промышленность и производительность въ застоѣ; процвѣтаютъ только биржевая игра и мошенническія спекуляціи желѣзнодорожныя, бан-

ковыя, акціонерныя, передъ которыми блѣднѣютъ прежнія злоупотребленія по виннымъ откупамъ; всѣ классы народа бѣднѣютъ; богатѣютъ только отдѣльныя единицы обманомъ и взятками; растлѣніе и безнравственность во всѣхъ возможныхъ видахъ разъѣдаютъ съ возрастающей силой общество, сверху до низу; не смотря на кажущуюся обезпеченность гражданскихъ правъ, свободу совѣсти, мнѣній и слова, — ложь, лицемѣріе и обманъ обратились почти въ нормальныя условія нашего существованія. У насъ какъ будто есть общественное мнѣніе, выражающееся довольно свободно; на самомъ же дѣлѣ, каждый чувствуетъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ въ выраженіи мыслей, говоритъ и пишетъ совсѣмъ не то, что думаетъ, или молчитъ, за совершенною невозможностью высказать то, что у него на душѣ. Вся наша общественная жизнь есть вопіющая ложь; богатая и казистая ея обстановка, съ роскошными и блестящими европейскими формами, только прикрываетъ дѣйствительную умственную, нравственную и матеріальную несостоятельность и нищету. Вмѣсто гражданской обезпеченности и разумной, законной свободы, — вездѣ и всюду придавленность и приниженность всякаго рода.

Какія же причины такого поразительнаго

противурѣчія между дѣлами царствованія и ихъ результатами, между намѣреніями и ихъ осуществленіемъ? Добро не могло родить зло, хорошее произвести дурное, правда—неправду. Всѣ преобразованія первой половины нынѣшняго царствованія искренно задуманы, зрѣло обсуждены и выработаны; они не могли принести другихъ плодовъ, кромѣ благотворныхъ; но они частью искажены при исполненіи, частью перетолкованы въ смыслѣ имъ вовсе несвойственномъ, частью взяты назадъ послѣдующими мѣрами и распоряженіями правительства. Къ этому роковымъ образомъ привели организація, личный составъ, духъ и привиллегіи нашей администраціи. Въ теперешнемъ своемъ положеніи и видѣ она не можетъ ужиться съ правильнымъ, законнымъ порядкомъ; вмѣсто того, чтобъ охранять и поддерживать его, она всегда будетъ разлагать его и попирать ногами. Наша администрація вноситъ въ нашу жизнь ложь, обманъ, беззаконіе, анархію и хаосъ, и пока она не будетъ поставлена иначе, всѣ лучшія намѣренія Государей не приведутъ ни къ чему.

I.

Съ Ивана III до Екатерины II, въ теченіи трехъ вѣковъ, верховная власть постепенно высвобождалась у насъ изъ подъ зависимости

отъ вельможества и церкви, и при Екатеринѣ II сложилась окончательно въ самостоятельную силу, а свѣтское и духовное вельможество безповоротно поступило въ ряды подданныхъ.

Въ продолженіи этого длиннаго періода времени, исподоволь развилась и сложилась наша администрація, съ ея теперешнимъ гражданскимъ и политическимъ значеніемъ. Безграмотныхъ служилыхъ людей должны были смѣнить, въ дѣлахъ управленія, грамотныя поповскія и церковно-служительскія дѣти, — дьяки и подьячіе, — клерки западной Европы. Какъ люди грамотные и опытные въ дѣлахъ, они скоро понадобились и для высшаго государственнаго управленія и стали играть въ немъ видную роль. Московскіе великіе князья и цари воспользовались этими людьми, не принадлежавшими къ родовитымъ, для образованія въ государствѣ администраціи, независимой отъ вельможества и сосредоточенной въ рукахъ верховной власти. Во всемъ, что у насъ дѣлалось въ эти четыреста лѣтъ, видно стремленіе подавить политическія притязанія свѣтской и духовной знати, и выработать независимую отъ нея администрацію, мѣстную и центральную, въ которой должности раздавались не по знатности рода, а по годности къ службѣ и по царской милости. Въ такомъ

коренномъ переворотѣ, дьяческій элементъ, тогдашнее чиновничество, игралъ важную роль и не даромъ былъ предметомъ ненависти родовитыхъ людей.

Послѣ Екатерины II, внутреннее политическое положеніе существенно измѣняется. Самодержавіе царской власти становится безспорнымъ. Политическія притязанія церкви и высшаго дворянства изчезаютъ совсѣмъ. Высшее управленіе, придворная среда и бывшее вельможество, свѣтское и духовное, сливаются и вмѣстѣ образуютъ высшій правительственный слой Имперіи, непосредственно окружающій государя. Естественная разнохарактерность этой среды, сложившейся изъ различныхъ стихій, поддерживается и мало по малу увеличивается притокомъ въ нее новыхъ элементовъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ областей, сѣверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, изъ заграницы и снизу—чрезъ выслугу. Такая пестрая среда, не имѣла никакого внутренняго единства, никакой организаціи. Её сплочаетъ, внѣшнимъ образомъ, лишь царская власть, около которой осѣлъ высшій правительственный слой. Одна близость къ царской власти даетъ ему всё его значеніе, вліяніе и силу въ государствѣ.

Вскорѣ, именно уже при Александрѣ I, правительственныя учрежденія, носившія на

себѣ печать прежнихъ, теперь существенно измѣнившихся обстоятельствъ и условій, обветшавшія и потерявшія значеніе, требовали коренной передѣлки, по новому плану. Такой планъ созданъ Сперанскимъ, по образцу учрежденій первой Французской Имперіи. Какъ извѣстно, изъ задуманныхъ имъ учрежденій введены только Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ (1-й Департаментъ) и Министерства. Къ нимъ присоединился возникшій въ одно съ ними время Комитетъ Министровъ, а въ нынѣшнее царствованіе Судебный (Кассаціонный) Сенатъ. Въ организаціи Государственнаго Совѣта, высшаго правительственнаго учрежденія Имперіи, довольно ясно проглядываетъ мысль сосредоточить въ одномъ мѣстѣ законодательную дѣятельность и придать ей возможную правильность; дѣла судебныя отдѣлены, въ высшей инстанціи, въ Судебномъ Сенатѣ; высшая административная власть, подъ контролемъ, въ текущихъ дѣлахъ, Сената, сосредоточена въ Министерствахъ, а общія дѣла Министерскаго управленія — въ Комитетѣ Министровъ.

Не смотря на то, что всѣ эти учрежденія очень далеки отъ такъ называемыхъ конституціонныхъ, въ ихъ общемъ планѣ чувствуется отголосокъ конституціонныхъ идей и воззрѣній.

Разграниченіе и распредѣленіе между различными государственными учрежденіями власти законодательной, судебной и административной, изъ которыхъ послѣдняя непосредственно завѣдывается самимъ Государемъ, прямо выхвачены и перенесены въ Россію изъ Западно-Европейскихъ Конституцій. Министерства и равныя имъ высшія административныя учрежденія Имперіи, по самой своей организаціи, суть непосредственныя орудія Верховной власти, отъ нея получаютъ указанія и инструкціи и дѣйствуютъ подъ ея непосредственнымъ контролемъ. Комитетъ Министровъ, строго говоря, не есть особое учрежденіе, а только соединеніе Министровъ въ одно присутствіе, для разсмотрѣнія дѣлъ, общихъ нѣсколькимъ или всѣмъ министерствамъ; что же касается Правительствующаго Сената, то онъ, по мысли нашего законодательства, только регулируетъ обыкновенный ходъ текущихъ административныхъ дѣлъ, чтобъ онъ сообразовался съ законами и не выходилъ изъ ихъ рамки.

Такая постановка администраціи, объясняемая только историческими условіями европейскаго развитія, не имѣетъ у насъ корней и теоретически ни чѣмъ не оправдывается; а между тѣмъ, она-то именно и есть источникъ всѣхъ нашихъ золъ и бѣдствій.

II.

Движущій нервъ конституціонной жизни, основная идея, на которой построено зданіе конституціонныхъ гарантій, еще недавно считавшихся прочнымъ залогомъ политическихъ свободъ и общественнаго благополучія, заключается въ огражденіи народа отъ произвола Государей. Конституціонные порядки предполагаютъ, что государь и народъ имѣютъ разные интересы, а не одинъ, и вслѣдствіе того могутъ быть другъ другу противуположны и враждебны. Чтобъ оградить подданныхъ отъ произвола и насилій Государя, у послѣдняго отнимается судебная власть, которая ставится, по возможности, въ независимое положеніе отъ вліянія и государя и народа; отнимается, кромѣ того, власть законодательная и право установлять подати и налоги, и передается въ руки народа. За тѣмъ, у Государя остается одно лишь управленіе страной, да и то подъ контролемъ народныхъ представителей.

Такова основная тема, основный мотивъ конституціонныхъ порядковъ. Ихъ фактическая подкладка состоитъ въ томъ, что народъ и правитель, соединяющій въ своихъ рукахъ всѣ власти, неладятъ между собою, составля-

ютъ два противуположныхъ и враждебныхъ между собою полюса. А такъ какъ безъ верховной власти, въ той или другой формѣ, все таки обойтись никакъ нельзя, иначе народная жизнь не будетъ имѣть необходимой цѣльности и единства, то придумывается комбинація, при которой верховная власть, прежде нераздѣльно принадлежавшая государю, распредѣляется между имъ и народомъ, а единство и цѣльность государственнаго организма должны вытекать изъ уравновѣшенія между собою различныхъ аттрибутовъ верховной власти, распредѣленныхъ между различными правительственными органами.

Не будемъ останавливаться на томъ, что противуположность интересовъ государя и народа есть, во всякомъ случаѣ, великое несчастіе и представляетъ явленіе крайне ненормальное; что связать вмѣстѣ и запречь въ одну колесницу то что враждуетъ между собою — нельзя; что мысль создать единство и гармонію изъ комбинаціи элементовъ, исключающихъ другъ друга — такая же мечта, какъ политическое равновѣсіе Европы и прелести вооруженнаго мира. Оставляя въ сторонѣ эти и подобныя имъ общія соображенія, постараемся вникнуть въ факты, изъ которыхъ возникли конституціонные порядки, возведенные

гораздо позднѣе въ теорію. Развитіе конституціонныхъ учрежденій показываетъ, что они вездѣ созданы и поддерживались далеко не народами, въ полномъ составѣ всѣхъ ихъ элементовъ, а только сильными, богатыми и просвѣщенными высшими классами, отвоевавшими себѣ у государей верховную власть именемъ народа, и что, въ концѣ концовъ, конституціоные порядки послужили на пользу не всѣмъ классамъ и слоямъ народа, а только высшимъ его сословіямъ. Далѣе мы видимъ, что всюду гдѣ существуютъ и процвѣтаютъ конституціонныя учрежденія, верховная власть, только по имени, раздѣлена между государемъ и народомъ, на самомъ же дѣлѣ она сосредоточена въ рукахъ или правительствующихъ политическихъ сословій, или государей. Наконецъ, мы вездѣ замѣчаемъ, что съ разложеніемъ и упадкомъ высшихъ сословій, держащихъ власть въ своихъ рукахъ, конституціонные порядки смѣняются или худшимъ видомъ монархіи — цезаризмомъ, или республикой. Такимъ образомъ, конституціонная теорія, выставляющая на первый планъ равновѣсіе властей, распредѣленныхъ между государемъ и народомъ, въ дѣйствительности только возводитъ въ принципъ моментъ борьбы, или начало перехода власти отъ государя къ высшимъ сосло-

віямъ. Прочность конституціонныхъ учрежденій покоится, на самомъ дѣлѣ, на единствѣ власти, сосредоточенной или въ рукахъ правительствующаго слоя общества, или въ рукахъ дѣйствительно правительствующаго государя.

Политическая исторія Европы подтверждаетъ эти выводы. Въ Англіи, до послѣдняго времени, верховная власть принадлежала поземельной аристократіи, и только въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія начала передвигаться въ руки буржуазіи; во Франціи, въ цвѣтущее время конституціоннаго правленія, именно при Людвигѣ-Филиппѣ, царила буржуазія; съ ея паденіемъ пали и конституціонные порядки; въ Германіи, несмотря на конституціонныя формы, верховная власть все еще находится въ рукахъ монарха. Во всей Западной Европѣ, классической странѣ конституціонныхъ порядковъ, раздѣленіе властей между государемъ и народомъ всегда дѣлалось въ пользу родовой, поземельной, или денежной аристократіи. Конституціонныя учрежденія возникли тамъ съ той поры, когда аристократія, усиливщись, начала забирать верховную власть въ свои руки; что это дѣлалось не въ пользу всего народа доказывается, въ Англіи, раннимъ обезземелѣніемъ сельскаго на-

селенія, а на европейскомъ материкѣ — порабощеніемъ труда капиталу, породившимъ соціалистическія и коммуническія движенія. Въ наше время денежныя и поземельныя аристократіи, подъ напоромъ обдѣленныхъ ими народныхъ массъ, начинаютъ склоняться къ упадку, а съ тѣмъ вмѣстѣ меркнутъ и конституціонныя учрежденія, уступая мѣсто или цезаризму или республикѣ. Цезаремъ былъ, въ наше время, Людвигъ Наполеонъ, котораго административные пріемы, непонятно почему, находятъ усердныхъ подражателей въ нашихъ высшихъ административныхъ сферахъ.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что сосредоточеніе въ рукахъ государей администраціи, какъ главнаго аттрибута монархической власти, не имѣетъ теоретическаго основанія, а объясняется только исторіей образованія конституціонныхъ учрежденій въ Европѣ. Когда аристократическіе элементы начали прибирать къ себѣ верховную власть, они, мало по малу, отняли у государей судъ, законодательную власть и право налагать подати, и изъ всѣхъ аттрибутовъ верховной власти оставили за ними только управленіе государствомъ, да и то подъ надзоромъ и контролемъ конституціонныхъ учрежденій, представлявшихъ по названію народъ, а въ дѣйствительности господствующій

его слой. Привиллегія править государствомъ была, на самомъ дѣлѣ, только обрывкомъ, клочкомъ правъ короны, оставленныхъ за нею, потому что нельзя же было сразу отобрать у государей все. Надо было, для благовидности въ глазахъ народныхъ массъ, оставить за ней что нибудь; оставить именно управленіе казалось торжествующимъ аристократіямъ наиболѣе безопаснымъ и безвреднымъ для ихъ власти.

III.

Для тѣхъ, кто не знакомъ съ русской исторіей, кто не вникалъ глубоко въ смыслъ политическихъ учрежденій Европы, остается неразрѣшимой загадкой, какимъ образомъ, несмотря на внутреннія смуты и неурядицы, на неспособность многихъ изъ правителей, на смѣну династій и продолжительные періоды полнѣйшей анархіи, верховная власть могла удержаться, во всей полнотѣ, въ рукахъ государей, вплоть до нашего времени. Не умѣя объяснить этого факта, европейцы считаютъ насъ неспособными къ культурѣ, причисляютъ къ восточнымъ народамъ, у которыхъ политическія учрежденія, не смотря на сильнѣйшіе внутренніе перевороты, упорно коснѣли въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ.

Дѣло, какъ мы думаемъ, объясняется очень просто. Вездѣ и всегда верховная власть, даже при конституціонныхъ порядкахъ, остается, въ дѣйствительности, единой и не раздѣльной. Тоже самое видимъ мы и у насъ. Но въ Европѣ существовали сильные аристократическіе элементы, присвоившіе эту власть себѣ, а у насъ были только зачатки аристократіи, которые, вслѣдствіе разныхъ причинъ, не успѣли развиться и окрѣпнуть. Потому-то некому было и оспоривать верховной власти у русскихъ государей, и всѣ слабыя попытки въ этомъ родѣ должны были кончиться ничѣмъ. По той же самой причинѣ, у насъ не могло быть и цезаризма, въ римскомъ или французскомъ смыслѣ. Цезаризмъ зарождается только тамъ, гдѣ народныя массы, раздавленныя аристократіей, возстаютъ противъ нея и одерживаютъ надъ ней верхъ. Римскій Цезарь, какъ и французской Императоръ, — плодъ и выраженіе глубокаго разлада между составными элементами народа; гдѣ нѣтъ сильной аристократіи, давящей народныя массы, тамъ и цезаризмъ невозможенъ.

Мы, русскіе, народъ дѣйствительно полудикій, съ крайне слабыми зачатками культуры. Но видѣть нашу неспособность къ культурѣ въ томъ, что у насъ сохранилась неприкосно-

венная исторически сложившаяся форма верховной власти, значитъ ничего непонимать въ русской исторіи. Въ Европѣ было иначе только потому, что сначала аристократіи, а потомъ закабаленныя и выведенныя изъ терпѣнія народныя массы переносили верховную власть изъ рукъ въ руки. Европейцы, какъ и всѣ народы въ мірѣ, цѣпко, упорно держатся за стародавнія преданія, даже когда они потеряли уже всякій смыслъ; поэтому, если формы власти у нихъ измѣнились, то это показываетъ только, какъ могучи, непреодолимы были причины, ихъ къ тому вынудившія: Папство, римское право, сословныя различія, аристократическія внѣшнія отличія, давно не имѣютъ смысла въ Европѣ, а сохраняются же до сихъ поръ. Безъ крайней нужды, безъ неизбѣжной необходимости, ни одинъ народъ не разстается съ своими учрежденіями, обычаями и привычками. Такъ какъ безъ верховной власти въ той или другой формѣ, нѣтъ ни одного человѣческаго общества въ мірѣ, то тамъ, гдѣ, подобно Россіи, нѣтъ элементовъ, оспоривающихъ исторически данную верховную власть, она и остается неприкосновенной. У насъ, какъ показываетъ исторія, возможны бунты, смѣны династій, безгосударное время, броженія, длящіяся цѣлое столѣтіе; но поли-

тическія гарантіи, въ европейскомъ смыслѣ, у насъ невозможны, по недостатку данныхъ, изъ которыхъ онѣ слагаются. Объ этомъ, смотря по точкѣ зрѣнія, можно жалѣть, этому можно, пожалуй, и радоваться, но такъ оно есть, и съ этимъ, волей неволей, надо помириться. Съ одной стороны, у насъ не можетъ выдѣлиться изъ народа въ особую, сплоченную, сильную группу, одинъ какой нибудь привилегированный классъ; всѣ подобныя общественныя формаціи уже во второмъ, много въ третьемъ поколѣніи, расплываются въ Россіи въ народной массѣ и замѣняются другими элементами, выступающими на поверхность изъ всенародства. Съ другой стороны, по той же причинѣ, русской царь есть всесословный и всенародный государь; его значеніе и сила покоятся на цѣломъ народѣ, въ полномъ его составѣ, а не балансируютъ между разными враждебными и борющимися общественными элементами, опираясь то на тотъ, то на другой, и заимствуя свою силу изъ внутренней разладицы.

Общественная и политическая формація, подобная нашей, имѣетъ, какъ и все на свѣтѣ, свои выгоды и невыгоды. Односложность дѣлаетъ развитіе нашей государственной и общественной жизни медленнымъ, вялымъ и без-

цвѣтнымъ; индивидуальной выработки, строгой очерченности формъ, точныхъ юридическихъ опредѣленій и отвѣтственности нѣтъ ни въ чемъ; но, взамѣнъ того, у насъ нѣтъ и рѣзкихъ общественныхъ контрастовъ, нѣтъ непримиримой вражды сословій и кастъ, нѣтъ почвы для противупоставленія народа государю и государя народу; сознаніе народнаго единства у насъ гораздо живѣе и непосредственнѣе, потому что мысль не дробится между рѣзко различенными общественными элементами, и слѣдовательно, легче, сильнѣе можетъ сосредоточиться на общности народной и государственной жизни. По мѣрѣ того какъ Россія развивается, хотя бы и очень медленно, ея политическія и общественныя отправленія естественно становятся разнообразнѣй и сложнѣй, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо рождается и потребность въ болѣе правильныхъ, точныхъ и тонкихъ юридическихъ и административныхъ различеніяхъ, формахъ и опредѣленіяхъ; но они, возникая не изъ политической борьбы, а изъ потребностей усложняющейся жизни, не могутъ имѣть политическаго характера, значенія публичнаго соглашенія борющихся между собою силъ и элементовъ, а должны являться плодомъ мирнаго обсужденія общественныхъ потребностей и представлять собою лучшіе въ

данное время и при данныхъ обстоятельствахъ способы удовлетворенія общественнымъ и государственнымъ нуждамъ. У насъ, какъ и вездѣ, существуетъ необходимость правильнаго раздѣленія аттрибутовъ власти, правильной организаціи властей, правильнаго отправленія суда, администраціи и законодательной функціи; мы, какъ и всѣ, чувствуемъ необходимость уравновѣсить и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, направленное къ одной цѣли; и у насъ крайне необходимы гарантіи личной и имущественной неприкосновенности, свободы вѣрованій, мнѣній и публичнаго заявленія, непреложности закона, непоколебимости общественныхъ уставовъ, ограничивающихъ произволъ административныхъ, судебныхъ и законодательныхъ органовъ. Все это необходимо, и мы съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе сознаемъ, что всего этого намъ недостаетъ. Но, сообразно съ нашимъ прошедшимъ и съ характеромъ нашего общественнаго строя, все это не можетъ быть взято съ боя, а будетъ вынуждено роковымъ ходомъ вещей, логикой событій, которая неотразимымъ рядомъ фактовъ заставитъ сдѣлать то, чего люди не хотятъ дѣлать по предразсудку и ослѣпленію. Въ такомъ отсутствіи у насъ элементовъ внутренней борьбы заключается, какъ мы убѣждены, наше великое преиму-

щество. Благодаря этому, въ развитіе нашихъ учрежденій не могутъ врываться сословныя и соціальныя ненависти и страсти. Оно, правда, совершается отъ того медленнѣе, но за то оно прочнѣе, безопаснѣе и не осложняется ѣдкими примѣсями, которыя незамѣтно передаются изъ рода въ родъ и отравляютъ народный и государственный организмъ на цѣлые вѣка. Съ тѣхъ поръ, что слабые зачатки аристократій у насъ изчезли, а съ ними, мало по малу, и сословныя привиллегіи, различіе сословій обратилось у насъ, какъ и слѣдуетъ, въ различіе образа жизни и занятій. Народъ и правительство въ Россіи — только двѣ стороны одного и того же народнаго организма, борьба между которыми есть и несчастіе и безсмыслица. Вѣдь если, какъ многіе думаютъ, народъ у насъ беззащитенъ противъ ничѣмъ неограниченной власти государей, то и государь, въ свою очередь, ничѣмъ не огражденъ у насъ отъ народа, въ которомъ нѣтъ враждующихъ между собою слоевъ и сословій. И такъ, становясь на точку зрѣнія политическихъ гарантій, мы, говоря о Россіи, попадаемъ въ ложный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Не противупоставленіе власти народу, сословія сословію, а ихъ совокупное дѣйствіе, направленное къ одной цѣли, — вотъ на что указы-

ваетъ все наше прошедшее, нашъ общественный и государственный строй, какъ они сложились вѣками. Кооперація силъ, а не борьба ихъ, различеніе функцій народнаго организма, а не противуположеніе ихъ другъ другу, — вотъ задача, поставленная всѣмъ народамъ въ будущемъ; и если мы, по обстоятельствамъ, которыя выяснить предстоитъ русскимъ историкамъ, безъ особенныхъ усилій и заслугъ, владѣемъ нужными для того задатками и условіями, то тѣмъ лучше для насъ: надо поспѣшить ими воспользоваться, не мудрствуя лукаво.

IV.

Исторія, обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ создали для русскихъ государей безпримѣрное положеніе. Династическіе интересы ихъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, обеспечены и непоколебимы. Вся совокупность верховныхъ правъ надъ Россіей принадлежитъ имъ нераздѣльно. Слабые зачатки сословныхъ различій и политическихъ сословныхъ привиллегій не существуютъ болѣе, и народное единство бережно охраняется здравымъ чутьемъ массъ и вызрѣвшимъ сознаніемъ образованнаго слоя русскаго общества. Русскій царь есть верховный руководитель важнѣйшихъ государственныхъ и народныхъ дѣлъ, кормчій вели-

каго русскаго корабля въ океанѣ всемірной исторіи. Такая власть, сложившаяся вѣками, выработанная всею совокупностью условій русской жизни, бережно и настойчиво пронесенная чрезъ всѣ волненія, бури и смуты до нашихъ дней, должна бы, казалось, имѣть и соотвѣтствующія ей формы выраженія: какъ она непохожа ни на какую другую верховную власть въ мірѣ, такъ ей не пристала ни одна изъ формъ власти, выработанныхъ исторіей. А между тѣмъ, русскіе государи съ начала XIX вѣка облеклись въ формы французскаго Цезаризма. Ясный, опредѣленный образъ царской власти, подъ этой чуждой ей формой, затемнился. Ложь, обманъ и насиліе, присущіе Наполеоновскому Императорству, перенесены къ намъ и породили въ правительствѣ и образованныхъ слояхъ множество иллюзій, перепутавшихъ всѣ наши понятія. Внѣшній видъ законнаго порядка, при дѣйствительномъ отсутствіи всякихъ правъ и обеспеченій; подозрительный взглядъ на каждое проявленіе народной жизни или мысли, въ предположеніи, что народъ есть тайный врагъ правительства, каждую минуту готовый сбросить съ себя ненавистное иго; вѣчная, неустанная, придирчивая опека, простирающаяся на всѣхъ и всё; огромное развитіе административной власти на

счетъ всѣхъ другихъ сторонъ и отправленій государственной и народной жизни; небывалый административный произволъ, не знающій границъ, — вотъ что мы получили вмѣстѣ съ учрежденіями Императорской Франціи. Подъ вліяніемъ этихъ учрежденій, русскіе государи обратились въ высшую административную власть, непосредственно управляющую государствомъ чрезъ своихъ органовъ, которые отъ нея получаютъ свои полномочія и дѣйствуютъ ея именемъ. Лѣстница этихъ органовъ, составляющихъ, по своей многочисленности, цѣлую армію, опускается низшими своими ступенями во всѣ отдаленнѣйшіе закоулки русской Имперіи и вездѣ является живымъ представителемъ державнаго русскаго Государя. На каждомъ чиновникѣ, отъ перваго до послѣдняго, отражается сіяніе верховной власти. Только передъ высшимъ чиновникомъ подчиненный — ничто; въ дѣйствіяхъ же своихъ на народъ онъ облеченъ огромными полномочіями.

Идея, что вся администрація, на всѣхъ ея ступеняхъ, представляетъ собою верховную власть, проведена у насъ съ желѣзною послѣдовательностью. Административная власть, въ Россіи, громадна. Масса дѣлъ, касающихся личности и имущества частныхъ лицъ предо-

ставлены административному рѣшенію чиновниковъ, безъ всякаго участія суда, и даже безъ соблюденія формъ, ограждающихъ частное лицо при судебномъ производствѣ. Полновластіе чиновника, при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей, безгранично, и привлечь его къ отвѣтственности, даже за самое наглое нарушеніе имъ обязанностей, въ ущербъ достоинству и интересамъ частныхъ лицъ и пользъ самой короны, почти невозможно, такъ какъ это существенно зависитъ отъ самой администраціи, заинтересованной отстаивать своихъ во что бы то ни стало. Рязанскій Губернаторъ Болдыревъ, даже не при отправленіи служебныхъ обязанностей, а на охотѣ, избилъ стараго мужика и загноилъ его до смерти въ душной тюрьмѣ и за это не былъ даже отданъ подъ судъ; бывшій Орловскій Губернаторъ Лонгиновъ высѣкъ какого то писаря и получилъ только келейное замѣчаніе, нигдѣ не опубликованное; бывшій Самарскій Губернаторъ Климовъ уморилъ множество крестьянъ съ голоду и за это не только не подвергся суду и взысканію, но даже повышенъ въ Директоры Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ; Петербургскій Губернаторъ Лутковскій далъ Начальникамъ Уѣздной полиціи приказаніе сѣчь мужиковъ

по одному требованію уѣздныхъ представителей дворянства, подъ страхомъ немедленнаго удаленія отъ службы, въ случаѣ неисполненія этого приказанія.

Тщательно огражденный со всѣхъ сторонъ отъ законной отвѣтственности за свои дѣйствія и вооруженный противъ частныхъ лицъ и народа почти царскою властью, каждый чиновникъ, въ свою очередь, совершенно отданъ на произволъ высшаго чиновника, который его опредѣлилъ. Кто опредѣляетъ чиновника на должность, тотъ можетъ его и уволить, даже безъ объясненія причины увольненія: ни суда, ни разбирательства требовать нельзя. На дѣлѣ, такою же безграничною властью пользуется и каждый начальникъ надъ своими подчиненными, хотя бы по закону онъ не могъ его уволить: стоитъ только доложить высшему начальнику, отъ котораго зависитъ увольненіе, и дѣлу конецъ. Начальникъ можетъ, подобно Губернатору Лутковскому, дать противузаконное приказаніе и лишить мѣста чиновника, не исполнившаго такое приказаніе, и чиновникъ остается беззащитнымъ, будь онъ тысячу разъ правъ, а начальникъ кругомъ виноватъ. Несчастные бухгалтеры и казначеи, лишенные правъ и сосланные въ сибирь за разхищеніе инвалиднаго капитала Политковскимъ и сино-

дальнаго Гаевскимъ, находились въ такомъ положеніи; имъ предстояло одно изъ двухъ: или неисполнить приказанія своихъ начальниковъ, донести о ихъ злоупотребленіяхъ и быть немедленно выгнанными изъ службы, умирать съ голоду, съ семействами, или же, молча, исполнять противузаконныя приказанія и подвергнуться уголовной отвѣтственности. Другаго выхода нѣтъ по нашимъ законамъ.

Безусловная зависимость отъ начальства съ одной стороны и почти безграничный произволъ въ дѣйствіяхъ съ другой, — такова, въ немногихъ словахъ, характеристика нашей администраціи снизу до верху. Правда, въ законѣ мы читаемъ многое объ обязанностяхъ и отвѣтственности должностныхъ лицъ, о долгѣ службы, о соблюденіи законовъ, даже вопреки приказаніямъ, объ обязанности подчиненныхъ доносить о злоупотребленіяхъ начальниковъ; но все это пустыя слова, которымъ никто не вѣритъ, потому что дѣйствительное ихъ исполненіе ничѣмъ не обеспечено. Законъ только на бумагѣ даетъ частнымъ лицамъ право защищаться отъ произвола чиновниковъ, а чиновникамъ право ограждать себя отъ произвола начальства.

Административная лѣстница, устроенная на такихъ началахъ, идетъ, подымаясь, до престола, и чѣмъ ея ступени выше, тѣмъ администрація полновластнѣе, а страна беззащитнѣе отъ ея произвола. На самыхъ высшихъ ступеняхъ администрація вооружена не приказаніями начальства, а Высочайшими повелѣніями, которыя непосредственно испрашиваются чиновниками у Государя и передъ которыми безмолвны и законъ и судъ, какъ передъ изрѣченіями верховной власти. По теоріи, всѣ нити управленія сходятся, въ высшей инстанціи, въ рукахъ Государя, верховнаго правителя страны. Всѣ попытки обуздать произволъ высшихъ чиновниковъ формами выраженія верховной власти, разумѣется, оказались безуспѣшными. Русскій Царь есть воплощенная верховная власть и её нельзя вставить ни въ какія юридическія рамки. Единственно возможная гарантія правильныхъ ея дѣйствій — это искренняя любовь Государя къ Россіи, знаніе и правильное пониманіе имъ дѣла и интересы династіи, съ цѣльностью и сохранностью которой неразрывно связаны правильное развитіе государственной и народной жизни.

V.

По теоріи, перенесенной къ намъ изъ Европы Сперанскимъ, управленіе государствомъ сосредоточивается въ рукахъ Государя. Но

въ европейскихъ странахъ, гдѣ конституціонные порядки существуютъ не по одному названію, а на самомъ дѣлѣ, управленіе подчинено контролю суда и народнаго представительства; въ Императорской же Франціи, откуда мы заимствовали свои административные уставы, конституціонныя формы были лишь ложью и обманомъ. Судъ и представительство были безгласны, а вся сила заключалась въ администраціи, которая, будучи сосредоточена въ рукахъ французскихъ цезарей, обратилась въ всемогущее орудіе угнетенія и произвола. Тамъ такое значеніе администраціи было совершенно понятно и ложь отчасти вынуждена обстоятельствами. Когда создавались наполеоновскія учрежденія, Франція была глубоко потрясена революціей; политическія страсти еще не улеглись и при каждомъ удобномъ случаѣ готовы были вспыхнуть снова; недавно торжественно провозглашенныя свободы были еще свѣжи въ памяти каждаго. При такихъ условіяхъ, Наполеону было необходимо создать сильную диктатуру, придавъ ей снаружи, въ видѣ успокоенія и утѣшенія легковѣрной массы, довольствующейся фразами и болтовней, конституціонныя формы, какъ нѣкогда, при сходныхъ обстоятельствахъ, Августъ создалъ въ Римѣ Императорскую власть

съ республиканскими внѣшними аттрибутами. Правдой въ этихъ политическихъ построеніяхъ была полновластная диктатура, а конституціонныя и республиканскія украшенія — ложью и обманомъ.

Это чудовищное переплетеніе произвола, насилія, лжи, обмана и неправды, созданное обстоятельствами у измученнаго страшнымъ переворотомъ народа, мы, по печальному недоразумѣнію, перенесли къ себѣ. Напрасно знаменитые современники, въ томъ числѣ Карамзинъ и, если не ошибаемся, Трощинскій, возражали противъ такого нововведенія: голосъ ихъ не былъ услышанъ. Къ истинному нашему несчастію, страшное орудіе угнетенія, выкованное военной диктатурой посреди хаоса революціи, водворено въ странѣ, гдѣ въ теченіи вѣковъ народъ работалъ надъ созданіемъ ничѣмъ неограниченной верховной власти и гдѣ, по самому составу общественныхъ элементовъ, политическіе и соціальные перевороты невозможны. Въ Россіи нѣтъ политической жизни и въ европейскомъ смыслѣ ея не можетъ у насъ быть. У насъ, вслѣдствіе совершенной безспорности политическихъ условій существованія, можетъ развиваться только жизнь общественная, соціальная. Французская административная машина, перенесенная къ

намъ въ началѣ XIX вѣка, не могла измѣнить этихъ коренныхъ условій нашей общественности, и утративъ на русской почвѣ политическій характеръ, выказала всю свою непригодность въ Россіи тѣмъ неизмѣримымъ зломъ, какое она произвела и производитъ въ нашемъ общественномъ, соціальномъ быту.

И въ небольшой странѣ, при маломъ числѣ жителей, управленіе составляетъ тяжкое бремя для Правителя. Но въ многомилліонной Имперіи, занимающей почти пятую часть земнаго шара, сосредоточеніе всей администраціи въ рукахъ Государя, при множествѣ другихъ важнѣйшихъ дѣлъ и заботъ правленія, есть дѣло немыслимое, превышающее силы одного человѣка. Администрація, поставленная такимъ образомъ, необходимо будетъ лишена единства въ цѣломъ и правильнаго хода въ подробностяхъ. Какая память въ состояніи удержать безчисленное множество словесныхъ и письменныхъ докладовъ, какой умъ способенъ, не теряясь въ массѣ мелочей, прослѣдить и провести по всѣмъ многосложнымъ частямъ обширнѣйшаго управленія, одну мысль, одно направленіе? На такой трудъ, у одного человѣка, при всей доброй волѣ, недостанетъ времени, еслибъ даже можно было растянуть дни въ недѣли. Что же выходитъ на дѣлѣ? Государь вынужденъ освящать авторитетомъ верховной власти рѣшенія и мѣры, придуманныя министрами и другими высшими чиновниками, на вѣру, не справляясь представлены ли всѣ обстоятельства, выведены ли на справку всѣ дѣла и законы, не противурѣчитъ ли предлагаемое рѣшеніе и мѣра другимъ рѣшеніямъ, мѣрамъ и законамъ. Оттого, не рѣдко Высочайшею властью освящаются и получаютъ силу закона ошибки, фантазіи и злоупотребленія высшихъ и низшихъ административныхъ чиновниковъ; Государь принимаетъ на себя то, за что, по закону и справедливости, должны бы отвѣчать они. Дѣйствительная отвѣтственность чиновниковъ, при такомъ порядкѣ дѣлъ, немыслима, не смотря на то, что она написана въ законѣ; а такая отвѣтственность есть гарантія не только частныхъ лицъ и общества, но и самой верховной власти, неповинной въ ошибкахъ и злоупотребленіяхъ чиновниковъ. Нельзя не видѣть серьозной опасности въ томъ, что у насъ верховная власть, благодаря организаціи управленія, покрываетъ собою всѣ злоупотребленія и нарушенія закона, которыя дѣлаются ея именемъ; возраженіе противъ такихъ злоупотребленіи не возможно, потому что оно было бы сопротивленіемъ верховной власти, оспоривало бы ея рѣшенія.

VI.

Русскій богъ избавилъ насъ отъ конституціонной лжи ограниченія царской власти народнымъ представительствомъ; за то всѣ последствія конституціоннаго миража, будто администрація находится въ рукахъ царской власти, мы испытали вполнѣ, до единаго, во всей ихъ печальной правдѣ. Во Франціи, отъ горькой истины этого принципа неопытныя глаза отводились сценическими представленіями будто бы самостоятельнаго суда и палаты народныхъ представителей, какъ прежде отъ гильотины — деревьями свободы и празднествами согласія. У насъ никакія фіоритуры политическаго характера не окрашиваютъ безобразной наготы этого вовсе намъ чуждаго принципа. На русской почвѣ, вслѣдствіе особенныхъ нашихъ обстоятельствъ и условій, принципъ этотъ получилъ своеобразный видъ, принялъ, не встрѣчая ни откуда помѣхи, чудовищные, ужасающіе размѣры. Администрація, во имя Царской власти, заслонила и оттѣснила эту самую власть на второй планъ и взяла самодержавіе въ свои руки.

Разсмотримъ, почему и какъ это сдѣлалось. Это весьма поучительная страница русской исторіи XIX вѣка.

При самомъ введеніи у насъ новой административной системы, были придуманы разныя бумажныя ограниченія административнаго произвола; но они скоро оказались совершенно недѣйствительными,—паутиной, которую легко прорывали и малыя мухи. Подчиненіе Министровъ Сенату почти походитъ на иронію. Нельзя ограничивать Министра, непосредственно докладывающаго Государю, непосредственно испрашивающаго отъ него Высочайшія повелѣнія, учрежденіемъ, которое само находится въ полной власти у Министра Юстиціи, и безъ него шагу ступить не смѣетъ. Что касается до Комитета Министровъ, то онъ, будучи собраніемъ Министровъ, скорѣй расширяетъ, чѣмъ ограничиваетъ ихъ власть. Голосъ коллегіи всегда внушительнѣе голоса одного должностнаго лица, и во всѣхъ вопросахъ, касающихся министерской власти и ея аттрибутовъ, между Министрами не можетъ не быть трогательнаго единодушія.

Въ первую половину нынѣшняго царствованія сдѣланы болѣе дѣйствительныя и серьозныя попытки ограничить произволъ Министровъ. Созданъ былъ институтъ Мировыхъ посредниковъ, несмѣстимыхъ по усмотрѣнію Министра; созданы Земскія учрежденія, къ которымъ отошли, въ болѣе или менѣе само-

стоятельное завѣдываніе, многія дѣла мѣстнаго управленія, съ правомъ ходатайства объ общественныхъ пользахъ и нуждахъ; созданы самостоятельныя судебныя учрежденія, съ Кассаціоннымъ Сенатомъ во главѣ, и въ силу новыхъ судебныхъ уставовъ множество судебныхъ дѣлъ изъяты изъ административнаго произвола; устроенъ на новыхъ началахъ государственный контроль, которому предоставлена не только повѣрка счетовъ, но и самыхъ операцій министерскаго управленія, со стороны ихъ правильности и выгодности для казны; наконецъ, расширены предѣла печатнаго обсужденія мѣръ и дѣйствій правительства и должностныхъ лицъ.

Всѣ эти полезныя начинанія, задуманныя съ благою цѣлью, подавлены въ самомъ зародышѣ и кончились ничѣмъ. Неуспѣвали новыя учрежденія, мѣры и законы начать дѣйствовать, какъ на нихъ уже обращалось недоброжелательство Министерствъ, которыхъ произволъ они должны были сдерживать. Въ благовидныхъ предлогахъ не было недостатка; да и когда же недоставало предлога для отмѣны самыхъ полезныхъ установленій? Въ царствованіе Императора Николая закрыта была даже больница, вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій больничнаго начальства.

Со стороны административныхъ властей на мировыхъ посредниковъ, земскія учрежденія, суды, контроль, печать, жалобы и клеветы сыпались градомъ, ошибки, недоразумѣнія и частные случаи дѣйствительныхъ злоупотребленій и неправильностей раздувались въ важныя преступленія, въ опасные замыслы противъ самой верховной власти. Къ довершенію всего, новыя учрежденія были отданы въ завѣдываніе и управленіе самихъ Министровъ, которыхъ произволъ они должны были ограничивать; новыя мѣры приводились въ исполненіе тѣми самыми министрами, которые были имъ наиболѣе враждебны. Подъ дружнымъ напоромъ сильныхъ враговъ, на сторонѣ которыхъ были и власть и непосредственный докладъ Государю и возможность искажать новыя мѣропріятія при самомъ ихъ исполненіи, благія начинанія зачахли въ зародышѣ, обратились въ ничто, и остались въ нашихъ собраніяхъ законовъ только какъ памятники добрыхъ намѣреній Верховной власти.

Многіе приписываютъ неудачу всѣхъ мѣръ нынѣшняго царствованія, направленныхъ къ обузданію административнаго произвола, несостоятельности самаго общества, отсутствію въ немъ выдержки, такта, сознанія правъ. Въ этихъ упрекахъ есть своя доля правды, ко-

торой мы не думаемъ отрицать. Но тѣ, кто дѣлаютъ эти упреки, не замѣчаютъ, что они ими выражаютъ самое превратное понятіе о назначеніи и роли администраціи и подписываютъ ей у насъ обвинительный приговоръ. Нельзя же серьозно думать, что администрація представляетъ въ народѣ какую то чудную и враждебную ему силу, которая обрушается на него бѣдами, если у него нѣтъ достаточно средствъ и умѣнья противустоять ей. Въ странѣ, разорванной междоусобіями, потрясенной политическими и соціальными переворотами, такая роль можетъ выпасть, да и то временно, на долю партіи тишины, спокойствія и порядка; но гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти, тамъ нельзя противупоставлять администрацію народу или обществу; тамъ, напротивъ, она есть одно изъ необходимыхъ отправленій общественной и государственной жизни, служащее, вмѣстѣ съ другими, къ общему благу и постепенному общественному и гражданскому воспитанію народа. Если мы смотримъ на администрацію какъ на врага, отъ котораго нельзя и ждать ничего другаго, кромѣ посягательствъ на права и законную свободу, то это только доказываетъ, что мы сдѣлали важную ошибку, перенеся къ

себѣ учрежденія Императорской Франціи и что они совсѣмъ не пригодны къ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ.

Низкая степень культуры, отсутствіе добрыхъ нравовъ и привычекъ правильной гражданской жизни, безъ сомнѣнія не мало способствовали неудачѣ великодушныхъ попытокъ верховной власти и законодательства оградить Россію отъ насилій и произвола администраціи, устроенной по образцу Императорской Франціи. Но главой, существенной причиной такой неудачи должно искать въ томъ, что попытки улучшенія начаты были не съ верхнихъ, а съ низшихъ ступеней административной іерархіи. Пока Министры и высшіе чиновники будутъ находиться у насъ въ томъ же исключительномъ положеніи, какъ теперь, пока они будутъ вооружены Высочайшими повелѣніями, которыя сами же испрашиваютъ по личному докладу; пока они, и только они одни, будутъ непосредственными органами верховной власти, до тѣхъ поръ наша администрація будетъ представлять страшное орудіе, непобѣдимую силу, которымъ ничто не въ состояніи противустоять; эта сила раздавитъ все, что ей попадется на пути—законы, учрежденія, даже ясно и опредѣлительно выраженную волю верховной власти. И спастись отъ такой силы

некуда: она наполняетъ и обнимаетъ собою всѣхъ и всё.

VII.

Многіе у насъ дѣлаютъ большую ошибку, приписывая все зло, которое мы терпимъ, одному или нѣсколькимъ лицамъ. Всякое общественное зло есть, почти всегда, результатъ дурныхъ учрежденій и порядковъ, и за нихъ, а не за людей, надо браться, чтобы измѣнить и улучшить положеніе.

Тоже слѣдуетъ замѣтить и о нашихъ административныхъ безобразіяхъ. Странно и несправедливо было бы приписывать уродливое развитіе административной власти въ Россіи злонамѣренности или особенной порочности людей, изъ которыхъ составленъ нашъ правительственный персоналъ. Рядомъ съ людьми несомнѣнно злонамѣренными, или недобросовѣстными, рядомъ съ огромной массой людей неспособныхъ, лѣнивыхъ и невѣждъ, существуютъ, въ административной средѣ, лица очень даровитыя, знающія, образованныя, высокой честности и вполнѣ благонамѣренныя; но они, какъ и вездѣ, составляя меньшинство, связаны по рукамъ и ногамъ неправильной организаціей административной власти и ничего не могутъ сдѣлать. Мало того: организація фатально за-

глушаетъ у насъ хорошія свойства людей, поощряетъ и развиваетъ дурныя, вытѣсняетъ способныхъ и честныхъ, выдвигаетъ впередъ неспособныхъ и дурныхъ, открывая ихъ дѣятельности широкое поле. Иначе и быть не можетъ. Облеките какого угодно человѣка безграничною властью надъ тѣми, кто ниже его, отдайте его въ полную волю тѣхъ, кто поставленъ выше, и въ такомъ положеніи обезпечьте за нимъ безотвѣтственность и безнаказанность — и только одни герои или чудаки устоятъ противъ искушенія проводить свои мысли или обдѣлывать свои личныя дѣла, наперекоръ закону и общественной пользѣ. Каждый человѣкъ, у котораго нѣтъ хотя бы самой ограниченной сферы свободной и независимой нравственной и общественной дѣятельности, долженъ обратиться въ раба, низкопоклонника и угодника; каждый кто можетъ безнаказанно своевольничать надъ подчиненными, непремѣнно, рано или поздно, станетъ самодуромъ или деспотомъ, нестѣсняющимся личностью, достоинствомъ, честью, свободой другихъ. Каждый, въ комъ, такимъ образомъ, и сверху и снизу вытравливается вѣра въ законный и нравственный порядокъ, въ идеальный міръ, который одинъ даетъ силы бороться съ зломъ и неправдой, долженъ наконецъ утратить всякія

правила, всякія убѣжденія и отдаться своимъ личнымъ, индивидуальнымъ страстямъ и желаніямъ, забывая все остальное. Тщеславіе, властолюбіе, или нажива и наслажденіе — вотъ куда естественно направятся силы души, которымъ всѣ другіе пути загорожены. Противно видѣть, какъ высшіе и низшіе чиновники ненавидятъ гласность и любятъ тайну, отстаиваютъ все, что дѣлается въ кругѣ ихъ власти, даже ихъ подчиненными, хотя бы то, что они дѣлаютъ, заслуживало строгаго наказанія; возмутительно, какъ они систематически стараются разрушить все, что прямо или косвенно мѣшаетъ ихъ полновластію. Но эти черты, характеризующія наше чиновничество, необходимо вытекаютъ изъ его положенія, которое, съ одной стороны, отнимаетъ у чиновника не только необходимость, но и возможность развивать и воспитывать въ себѣ высшія нравственныя стремленія, а съ другой насильственно втягиваетъ его въ тину и болото всякихъ дрянныхъ страстей, наклонностей и привычекъ. Кто же, не исключая и лучшихъ людей, не старается скрывать свои дурные поступки, оправдывать свои дѣйствія? Кто не считаетъ прекраснымъ и умнымъ все что онъ думаетъ? Кто не раздражается помѣхами и препятствіями? Кто, наконецъ, не

имѣя силы побороть препятствіе, не старается обойти его стороной? А если обстоятельства, вмѣсто того, чтобъ сдерживать эти естественныя наклонности, напротивъ имъ способствуютъ, поощряютъ ихъ развитіе, то можно ли удивляться, что обыкновенныя людскія слабости получаютъ колоссальные размѣры? Рускаго чиновника все развращаетъ и ничто не поддерживаетъ на добромъ пути. Какъ же ему быть хорошимъ? Слава Богу, когда онъ настолько уцѣлѣлъ нравственно, что дѣлаетъ зло только по необходимости; такихъ которые сохранили живую вѣру въ силу и неизбѣжное окончательное торжество правды, нѣтъ ни одного; да такого, при нашихъ условіяхъ, и быть не можетъ.

VIII.

Въ Европѣ, сознаніе гражданскихъ правъ и мѣстныхъ свободъ, вѣками установившіеся нравы, высокая образованность и культура среднихъ слоевъ общества, задолго предшествовали появленію и окончательной выработкѣ сильной административной машины, подобной нашей, и потому дѣйствіе ея, на фактѣ, смягчалось несомнѣнными личными качествами административнаго персонала, пополнявшагося изъ той же образованной среды. Оттого,

борьба противъ административнаго произвола имѣла и имѣетъ въ Европѣ болѣе политическій, чѣмъ гражданскій и соціальный характеръ. Всемогущая администрація, какова напримѣръ Прусская, еще не такъ давно не оставляла желать ничего лучшаго со стороны порядка, честности, добрыхъ нравовъ и отличнаго знанія дѣла. Такая высокообразованная администрація, развившаяся изъ просвѣщенной и однородной среды, заключая въ себѣ замѣчательные таланты, имѣя свои преданія, представляла органическое цѣлое, проникнутое, на всѣхъ своихъ ступеняхъ однимъ духомъ, однимъ направленіемъ и заставляла, своими несомнѣнными достоинствами, забывать ошибочность самаго принципа административнаго всемогущества.

Совершенно иное представляетъ у насъ личный административный составъ. По званію или состоянію, по воспитанію и степени культуры, по вѣроисповѣданію и убѣжденіямъ, даже по племени и національности, онъ есть соединеніе разнороднѣйшихъ элементовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Наше высшее и низшее чиновничество, — это вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ въ лицахъ, всемірная выставка всевозможныхъ элементовъ, скученныхъ вмѣстѣ безъ всякой

системы и порядка, нестройная хаотическая смѣсь всевозможныхъ направленій, взглядовъ и стремленій. Такой личный составъ при отсутствіи строгой организаціи, отражается въ дѣлахъ управленія и на всѣхъ его ступеняхъ производитъ невообразимый хаосъ и путаницу. Каждый чиновникъ, высшій и низшій, естественно проводитъ, на сколько можетъ, свои взгляды, понятія и интерессы въ ту часть администраціи, надъ которою властвуетъ. Министръ изъ остзейскихъ бароновъ перекроиваетъ наши новыя судебныя учрежденія по возможности на остзейскій ладъ, въ виду ихъ введенія въ прибалтійскомъ краѣ; министръ-баринъ подкапывается подъ положенія 19-го февраля, министръ изъ породы верховниковъ и временщиковъ подготовляетъ въ тихомолку конституцію въ духѣ Верховнаго Тайнаго совѣта. Славянофилы, Москвофилы и Космополиты съ европейскими симпатіями, охранители, либералы, радикалы и клерикалы всѣхъ мастей и оттѣнковъ, нѣмцы, жиды, грузины, армяне и татары, исламиты, православные, католики, протестанты и сектанты всѣхъ русскихъ и иностранныхъ толковъ, поборники всевозможныхъ политическихъ, государственныхъ и соціальныхъ формъ человѣческаго общежитія, начиная отъ патріар-

хальнаго строя первобытной эпохи и оканчивая стремленіями парижской коммуны — всѣ тянутъ неуклюжій рыдванъ русской администраціи каждый въ свою сторону. Каждый изъ этихъ элементовъ и интересовъ имѣетъ безспорное право на существованіе, и еслибъ они могли выступить въ свою защиту и съ своими требованіями открыто, въ литературѣ и печати, и предъявлять или доказывать свои права передъ властью этому можно было бы только радоваться. Многосложность и разнообразіе интересовъ есть одинъ изъ признаковъ богатства элементовъ въ народѣ, залогъ его будущности; изъ взаимнаго соприкосновенія, тренія и постепеннаго слитія ихъ образуется со временемъ канва для широкаго историческаго склада. Къ тому же, нельзя не назвать вполнѣ естественнымъ, что каждый элементъ себя отстаиваетъ, старается выгородить себѣ особое свое мѣсто посреди другихъ; это неотъемлемое право каждаго, тѣмъ болѣе, что нѣтъ интереса, нѣтъ элемента, который бы не вносилъ чего нибудь полезнаго въ общую экономію государственной и народной жизни. Но къ несчастію, у насъ ни одинъ изъ разнообразныхъ и разнородныхъ элементовъ не можетъ даже высказываться откровенно, вполнѣ; каждый по необходимости скрывается, ухо-

дитъ въ себя, и переноситъ свои завѣтныя стремленія въ глубь канцелярій, въ административную дѣятельность, облекаетъ ихъ въ формы самодержавной администраціи, и этими путями по возможности осуществляетъ то, чего не смѣетъ заявить открыто и явно. Но облеченная въ форму административнаго произвола разнородность и разнохарактерность элементовъ, вмѣсто того, чтобъ приносить пользу странѣ и ея развитію, становится истиннымъ бѣдствіемъ и дѣйствительною опасностью. Когда каждый изъ противурѣчивыхъ, взаимно другъ друга исключающихъ элементовъ и интересовъ прикрывается въ своей дѣятельности авторитетомъ законной власти, администрація необходимо превращается въ организованную анархію, которая, во имя закона и власти, должна своими безпрестанными противурѣчіями и непослѣдовательностью подавлять всѣ живые ростки государственной и народной жизни.

IX.

Въ доброе старое время, русскіе люди, заполоненные приказными, кормленщиками и воеводами, чтобъ вздохнуть свободно, бѣжали на окрайны, селились въ степяхъ и лѣсахъ; царь Іоанъ IV Грозный, „стужаемый“ боярами

и духовенствомъ, бѣжалъ „отъ великой печали сердца“ въ Александровскую слободу; царь Петръ, задыхаясь отъ Московскаго святошества, лицемѣрія и окостенѣлыхъ византійско-татарскихъ порядковъ, бѣжалъ въ новозавоеванную землю, на устья Невы. Въ наше время, ни царямъ, ни народу некуда бѣжать отъ нестерпимаго порядка дѣлъ, созданнаго всемогуществомъ россійской администраціи. Она обнимаетъ все, наполняетъ собою все, самодержавно царитъ и надъ Государемъ и надъ народомъ. Всякая дѣятельность верховной власти фатально перерабатывается въ административной средѣ, прежде чѣмъ достигнетъ до народа, точно также каждое заявленіе народной жизни доходитъ до царей преломленное въ призмѣ администраціи. Но административная среда, чрезъ которую все процѣживается, есть сама нѣчто нестройное, хаотическое, безобразное; это — воплощенная анархія, выросшая въ несокрушимую силу, которая безсмысленно давитъ и губитъ все, что ей ни попадется. Какъ всякая анархія, она не терпитъ никакихъ убѣжденій, принциповъ, твердыхъ правилъ, но допускаетъ всевозможные интересы, — сословные, національные, мѣстные и въ особенности личные. Въ этой средѣ приживаются и всплываютъ на

верхъ только тѣ, кто отказывается отъ всякихъ убѣжденій, вѣрованій, отъ нравственной брезгливости и сталъ неразборчивъ въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. За тѣмъ дальнѣйшее возвышеніе зависитъ уже отъ ловкости, ума, таланта, снаровки, иногда отъ счастливой случайности. Непрошедшіе чрезъ строгій искусъ доброкачественности застрѣваютъ на среднихъ и низшихъ ступеняхъ административной іерархіи, а вовсе неспособные ассимилироваться выбрасываются вонъ. Профильтрированные такимъ образомъ сквозь административную среду и достигшіе ступеней трона выбираются Государемъ въ высшіе чиновники Имперіи. Другихъ путей узнать людей Государи у насъ не имѣютъ: всѣ заперты на глухо. Придворная и служебная карьера, сливающіяся на верху, открываютъ высшія государственныя должности только лицамъ, пропущеннымъ чрезъ придворный или административный фильтры. Въ другихъ странахъ, таланты и знанія могутъ проложить себѣ дорогу чрезъ университетъ, литературные и ученые труды, печать, адвокатуру, парламентскую дѣятельность. У насъ и каѳедра и литература и наука и печать и даже наша бѣдная земская и городская служба отданы въ кабалу администраціи, которая имъ враждебна по прин-

ципу, держитъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, изъ страха, чтобъ онѣ не обратились въ опасную ей силу. Диверсію гражданскому и придворному чиновничеству дѣлаютъ иногда только сферы военная и дипломатическая; но до сихъ поръ они мало приносили пользы дѣлу законнаго порядка. Напротивъ, люди закалившіеся въ военныхъ упражненіяхъ только усиливаютъ административный произволъ наклонностями и привычками военнаго темперамента, а дипломатическая дѣятельность, по существу своему, есть лишь цвѣтъ административной, высшая ея ступень, и отличается отъ нея только болѣе изящными формами. Такимъ образомъ, выборъ непосредственныхъ органовъ верховной власти роковымъ образомъ падаетъ только на людей, выдержанныхъ и перевоспитанныхъ въ искуственной средѣ, образовавшейся между Государями и народомъ. До сихъ поръ она не выставила еще Конрада Валленрода и едва ли когда нибудь выставитъ. Зорко слѣдитъ она за каждымъ шагомъ тѣхъ, кого выдвинула въ первые ряды и лишаетъ своей мощной поддержки всѣхъ, кто осмѣлится заговорить языкомъ ей неблагопріятнымъ, или попытается коснуться ея всемогущества.

X.

Таковы условія, которыми опредѣляется наше внутреннее положеніе. Съ каждымъ днемъ разъѣдающія насъ, административное самодержавіе и анархія заявляютъ себя сильнѣй. Они пожираютъ наши лучшія силы, убиваютъ насъ матеріально, умственно и нравственно, отравляютъ скрытымъ ядомъ наше существованіе. Подростающія поколѣнія зачумляются въ зараженной атмосферѣ, созданной насиліемъ, произволомъ и анархіей и гибнутъ тысячами. У людей пропадаетъ вѣра во все, — даже въ будущность страны, гдѣ можетъ долго продолжаться такой безобразный, чудовищный порядокъ дѣлъ. Отъ бѣдъ и несчастій, которыми онъ грозитъ Россіи, можетъ насъ избавить одна лишь верховная власть, и то если остановитъ зло во время. Ей предстоитъ завершить рядъ частныхъ освобожденій разныхъ классовъ, разрядовъ и сословій, и наконецъ народныхъ массъ, — освобожденіемъ всѣхъ подданныхъ Имперіи изъ подъ крѣпостнаго ига администраціи. Это необходимо и для блага страны и для самой верховной власти, во имя которой русская Имперія порабощена администраціей. Повторяемъ, не люди виноваты въ теперешнемъ порядкѣ дѣлъ, а опи-

бочная организація, основанная на конституціонныхъ фикціяхъ, не имѣющихъ съ нашимъ положеніемъ ничего общаго, и создающая миражи, въ противуположность несомнѣннымъ и очевиднымъ фактамъ. Давно пора ликвидировать ложь и обманъ, въ которыхъ мы запутались. Чѣмъ дольше мы будемъ медлить, тѣмъ опаснѣе будетъ становиться болѣзнь и тѣмъ труднѣе исцѣленіе.

Мы глубоко заблуждаемся, думая, будто одни только конституціонныя учрежденія, ограничивающія верховную власть, могутъ обезпечить народу права и законную гражданскую свободу, будто всѣ народы способные къ культурѣ, рано или поздно, должны ввести у себя европейскія конституціонныя формы. Мы видѣли, что онѣ, напротивъ, могутъ существовать только тамъ, гдѣ есть сильная родовая, поземельная или денежная аристократія, естественно стремящаяся завладѣть верховною властью и при томъ для своихъ выгодъ, а совсѣмъ не въ видахъ всенародной пользы и интересовъ массъ. У насъ нѣтъ и не бывало сильной аристократіи, а теперь ей ужъ никогда не сложиться на русской почвѣ; оттого такъ неудачны были всѣ попытки ограничить царскую власть, — при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Аннѣ Ивановнѣ, въ началѣ царствованія Им-

ператора Николая. Въ Россіи возможны глубокія потрясенія, уносящія престолы и династіи, но немыслимо конституціонное правленіе, основанное на ограниченіи царскихъ правъ, на раздѣленіи и равновѣсіи политическихъ властей. Еслибъ конституція въ этомъ смыслѣ и была когда нибудь введена у насъ, то она только прибавила бы лишнюю иллюзію, и при первомъ же столкновеніи Царской власти съ политическимъ народнымъ представительствомъ, оно разсыпалось бы какъ карточный домикъ. Послѣдняя ложь была бы хуже прежнихъ. Простодушные и легковѣрные люди, а они вездѣ и всегда въ огромномъ большинствѣ, убѣдились бы изъ этого надолго, что намъ на роду написано не имѣть добрыхъ гражданскихъ и общественныхъ порядковъ.

Другая коренная ошибка лежитъ въ мысли, будто интересы Государей и народа не одни и тѣже, будто эти двѣ силы одного и того же народнаго организма, по самому существу дѣла, противуположны, исключаютъ другъ друга. У насъ этотъ предразсудокъ тщательно скрывается за взаимными увѣреніями власти и образованной части общества въ самомъ трогательномъ единеніи русскаго Государя и русскаго народа и въ этомъ полагается достохвальное наше отличіе отъ западной Европы.

Но дѣла и факты, къ несчастью, доказываютъ противное. Взаимнаго довѣрія правительства и народа, о которомъ такъ много у насъ говорится, нѣтъ. Правительство крайне подозрительно смотритъ на всякое свободное движеніе, всякое проявленіе чувствъ и мыслей, въ чемъ бы они ни выражались; народъ же такъ привыкъ къ постоянному гнету, что не вѣритъ искренности намѣреній правительства облегчить и улучшить его положеніе, даже когда оно не подлежитъ никакому сомнѣнію: вѣра и надежда обманывали его слишкомъ часто. Такое ненормальное отношеніе возникло вслѣдствіи весьма разнообразныхъ причинъ. Тутъ дѣйствуютъ и воспоминанія изъ недавней эпохи вельможескихъ притязаній и шаткости престола, и европейскіе очки, сквозь которые мы обсуждаемъ наши дѣла и наше положеніе, и наговоры администраціи, которой выгодно поддерживать недовѣріе Государя къ народу, и дѣйствительно существующее недовольство крайне дурнымъ управленіемъ, необеспеченностью правъ и произволомъ чиновниковъ — и наконецъ, искусственное уединеніе, обособленіе власти отъ народа, которое само по себѣ не можетъ не порождать чувства одиночества и тѣсно съ нимъ связанной подозрительной чуткости и недовѣрчивости ко всему

окружающему. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, создаютъ миражи, разобщающіе у насъ народъ и правительство, наперекоръ исторіи, здравому смыслу и интересамъ того и другаго. Противуположность власти и цѣлаго народа возможна только въ завоеванныхъ странахъ, но и здѣсь далеко не всегда: гдѣ массы народа угнетены и порабощены высшимъ слоемъ, тамъ и онѣ не враждебны завоевателю, который избавилъ ихъ отъ тяжкаго ига; у насъ же нѣтъ враждебныхъ другъ другу сословій и корпорацій, а верховная власть принадлежитъ законной, исторически установившейся династіи. Какая тутъ можетъ быть обособленность интересовъ правительства и народа? Факты, напротивъ, ведутъ къ ихъ солидарности, къ ихъ совокупному дѣйствію, для достиженія однихъ и тѣхъ же цѣлей; а если это не такъ въ дѣйствительности, то это не можетъ считаться нормальнымъ, естественнымъ и, какъ мы видѣли, есть дѣло разныхъ побочныхъ обстоятельствъ и случайностей. Такія случайности и политическіе предразсудки конечно не въ состояніи подготовить или произвести у насъ конституціонный порядокъ дѣлъ, потому что для него нѣтъ у насъ данныхъ и почвы; мысли же и взгляды, какъ извѣстно, только группируютъ факты, а не создаютъ ихъ. Но

когда народъ и правительство, пренебрегая тѣмъ, что у нихъ подъ глазами, отдаются иллюзіямъ и миражамъ, то силы ихъ, нужныя на полезное дѣло, истощаются напрасно въ безплодной дѣятельности, подобно тому, какъ биржевая игра, передавая изъ рукъ въ руки огромные капиталы, отвлекаетъ ихъ отъ производительности. Такое совершенно безплодное треніе и поглощеніе живыхъ силъ происходитъ у насъ теперь въ огромныхъ размѣрахъ. Власть, подъ вліяніемъ иллюзій, предполагаетъ въ странѣ тайное желаніе её ограничить и вслѣдствіе того болѣе и болѣе обособляется, уединяется отъ народа и опирается на воображенную силу ею же созданной и на ея же авторитетѣ основанной администраціи; а народъ, тяготясь безурядицей, произволомъ и беззаконіями и видя, что администрація дѣйствуетъ во имя власти и вооружена всѣмъ ея обояніемъ, мало по малу переноситъ на верховную власть отвѣтственность за все зло и страданія, которыя терпитъ, и кончаетъ тѣмъ, что на ней сосредоточиваетъ всѣ свои сѣтованія. Такимъ-то образомъ, подъ конецъ у народа мало по малу искусственно вымучивается нелюбовь къ законной власти, раздраженіе и политическія страсти, которыя неспособны создать прочныхъ государствен-

ныхъ формъ, но исподоволь расшатываютъ власть и подготовляютъ перевороты, которыми и династіи и политическое значеніе самихъ народовъ ставятся на карту, дѣлаются игрушкой непредвидимыхъ случайностей.

Наконецъ, третья наша коренная ошибка — это мысль, навѣянная французскими конституціонными идеями, будто администрація, преимущественно передъ всѣми другими отраслями государственнаго управленія, должна быть сосредоточена въ рукахъ Государя и есть его непосредственное ближайшее дѣло. Такой взглядъ, помимо конституціонныхъ воззрѣній, изъ которыхъ естественно и послѣдовательно вытекаетъ, есть сама по себѣ безсмыслица. Верховная власть, по своему существу, есть соединеніе всѣхъ властей, въ ихъ высшемъ выраженіи. Почему-жъ бы ей быть болѣе административной, чѣмъ судебной или законодательной? Простому здравому смыслу этого втолковать нельзя. Что нибудь изъ двухъ: или всѣ аттрибуты верховной власти, всѣ виды ея проявленія, требуютъ, въ дальнѣйшихъ своихъ примѣненіяхъ и выраженіяхъ, извѣстной правильной организаціи, или ни для одного изъ нихъ она не нужна. У насъ всякій понимаетъ, что Царь есть глава государства и въ этомъ качествѣ распоря-

жаетъ военными силами, ведетъ сношенія съ другими государствами, представляетъ внутреннее единство страны въ законодательствѣ, судѣ и администраціи. Всѣ эти части или вѣтви, по своей многосложности и по своимъ, каждой изъ нихъ свойственнымъ особенностямъ, требуютъ своего особаго порядка, своего правильно и точно опредѣленнаго устава, отъ котораго сами государи не должны и не могутъ отступать, чтобъ не произвести вреда, который произошелъ бы для нихъ самихъ и для страны отъ произвольнаго нарушенія установленнаго разъ порядка. Администрація не составляетъ въ этомъ отношеніи изъятія изъ общаго правила и должна ему подчиняться наравнѣ со всѣми другими сторонами государственнаго и общественнаго строя. Если же это такъ, то только общій порядокъ и общее направленіе администраціи, также какъ и суда и законодательства, требуютъ непосредственнаго вмѣшательства Верховной власти; а ежедневный, обычный ходъ административной машины, движеніе ея безчисленныхъ колесъ должны быть однажды навсегда опредѣлены закономъ и совершаться въ цѣломъ и частяхъ по правиламъ, свойственнымъ и присущимъ самому административному механизму. Отступленіе отъ этого основнаго правила, допущенное подъ

вліяніемъ порядковъ, заведенныхъ въ Французской Имперіи, и намъ вовсе чуждыхъ, не имѣющихъ у насъ корней, противурѣчитъ естественному ходу вещей въ Россіи и рождаетъ зло, которое ростетъ изо дня въ день и становится все опаснѣе.

XI.

Иллюзія и призраки, которые мы разсмотрѣли, служатъ исходной точкой для всѣхъ политическихъ соображеній какъ русскаго правительства, такъ и русской интеллигенціи. Первое видя, что внутреннія дѣла идутъ хуже и хуже, и что неудовольствіе ростетъ, убѣждено, что водвореніе и у насъ конституціонныхъ порядковъ не болѣе какъ вопросъ времени; а пока это время не приспѣло, оно крѣпче и крѣпче затягиваетъ узду, усиливаетъ кары за всякія покушенія противъ существующаго порядка дѣлъ и всячески расширяетъ предѣлы административной власти, никогда еще не достигшей въ нынѣшнемъ столѣтіи, такого полномочія и такой безнаказанности. Безгласныя и беззащитныя массы, какъ онѣ ни мало избалованы, глухо ропщутъ; а образованные слои общества, составляющіе едва замѣтное меньшинство, вмѣстѣ съ правительствомъ, видятъ только въ конституціонныхъ

политическихъ гарантіяхъ выходъ изъ теперешняго, крайне тяжелаго и натянутаго положенія.

Но образованный слой, еслибъ онъ даже былъ сплоченъ у насъ въ компактную среду и составлялъ органическое цѣлое, не въ состояніи вынудить у верховной власти политическихъ правъ; для этого онъ слишкомъ безсиленъ. Не ввелись бы у насъ политическія права и въ такомъ случаѣ, еслибы какому нибудь великодушному русскому Государю пришла мысль добровольно ограничить свою власть и дать Россіи конституціонныя гарантіи: онѣ просуществовали бы у насъ до той только минуты, пока бы ему вздумалось снова ихъ отмѣнять или нарушить; сдѣлать это онъ можетъ легко и совершенно безнаказанно, потому что для конституціонной жизни у насъ нѣтъ почвы. Покойный Государь выразился однажды, что онъ понимаетъ самодержавіе и республиканское правленіе, но не понимаетъ конституціонныхъ ограниченій власти. Карамзинъ чувствовалъ себя, въ одно и тоже время, и вѣрноподданнымъ и республиканцемъ. Въ этихъ взглядахъ гораздо больше глубокаго смысла, въ примѣненіи къ Россіи, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Конституціонныя учрежденія, въ европейскомъ смыслѣ, у насъ немыслимы и невозможны. Это мы должны сказать себѣ съ полною правдивостью, совершенно чистосердечно. Положеніе наше слишкомъ серьозно, чтобъ можно было продолжать жить иллюзіями. Коренное преобразованіе всего нашего государственнаго и общественнаго строя не только необходимо, оно неизбѣжно въ ближайшемъ будущемъ; но это желанное будущее наступитъ спокойно и мирно, безъ толчковъ и опасныхъ экспериментовъ, если и власть и образованное меньшинство поймутъ, что конституціонные страхи и надежды у насъ напрасны, что въ Россіи вопросъ о народныхъ свободахъ и ихъ обезпеченіи долженъ быть поставленъ иначе, чѣмъ онъ ставился и ставится въ Европѣ. Самодержавный народъ и самодержавный Государь — двѣ противоположныя фикціи, два принципа, но не дѣйствительные факты. Ни Государи, ни народы не самодержавны и не могутъ ими быть. Оба дѣйствуютъ въ извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной обстановкѣ, которымъ, волей — не волей, подчиняются. Ни государи, ни народы не могутъ всего сдѣлать, что имъ вздумается, а дѣлаютъ только то, что могутъ, при данныхъ обстоятельствахъ. Представлять себѣ, что власть, именно потому что она власть, только тѣмъ и занята какъ бы побольше огра-

ничить и стѣснить народъ, также нелѣпо, какъ воображать, что она денно и нощно печется о народномъ благѣ, какъ это пишется и печатается въ оффиціальныхъ актахъ и адресахъ. На самомъ дѣлѣ, власть, точно также какъ и народъ, прежде и больше всего, оберегаетъ самоё себя, и на это не только имѣетъ полное право, но и обязана это дѣлать, въ интересахъ народнаго организма. Полководецъ не долженъ сражаться впереди своей арміи, глава политической партіи долженъ стоять на своемъ посту до послѣдней возможности и не давать противникамъ выбить себя изъ сѣдла. А за тѣмъ, верховная власть, по самому своему положенію, и въ собственныхъ интересахъ, не имѣетъ никакихъ причинъ желать зла народу; напротивъ, она всячески заинтересована въ томъ, чтобъ народу жилось какъ можно лучше. Стало быть, вопросъ вовсе не въ томъ, какъ бы ее ограничить и уловить въ тенетахъ, изъ которыхъ она не могла бы выпутаться, — ихъ и безъ того больше чѣмъ нужно, даже при такъ называемомъ самодержавномъ правленіи —, а въ томъ, чтобъ она ясно понимала, что̀ ей и народу полезно и выгодно, и что̀ вредно. Власти крайне не выгодно имѣть противъ себя цѣлый народъ; въ такомъ положеніи, ей долго не устоять. Бо-

роться съ успѣхомъ она можетъ только противъ меньшинства, опираясь на большинство, или на оборотъ, противъ народной массы, опираясь на сильное, богатое, вліятельное и образованное меньшинство. У насъ послѣднее невозможно, по недостатку такого меньшинства. Вся русская исторія есть неопроверженное доказательство того факта, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть обособленныхъ другъ отъ друга общественныхъ слоевъ, классовъ или сословій. Какъ ни старались ихъ создать искусственно, ни одинъ опытъ неудался. Такимъ образомъ, власть имѣетъ у насъ дѣло съ цѣлымъ народомъ, въ полномъ его составѣ, и ихъ обоюдные интересы неизбѣжно сходятся, переплетаясь между собою какъ нервы, артеріи и вены въ человѣческомъ тѣлѣ; отдѣлить ихъ и разрознить нѣтъ возможности, не вредя обоимъ. По этому, все, что противуполагаетъ власть народу, разобщаетъ ихъ, производитъ между ними разладъ, вмѣсто того, чтобъ сближать и заставлять ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, есть ошибка, вольное и невольное самообольщеніе, которое надо отбросить, какъ вредное для народа и для власти.

XII.

Въ основаніи нашего государственнаго устройства должно лежать не противуположеніе и уравновѣшеніе властей, а наоборотъ, единство всѣхъ отправленій государственнаго и общественнаго организма. Фикція самодержавнаго народа также нелѣпа на русской почвѣ, какъ и другая, изъ нея вытекающая, будто народъ враждебенъ всякой власти и она, чтобъ удержаться, должна быть на чеку, вѣчно на сторожѣ, ограждать свою безопасность и неприкосновенность чрезвычайными мѣрами и для того постоянно держать народъ въ осадномъ положеніи. Такія воззрѣнія, бывшія еще недавно въ большомъ ходу въ Европѣ, особливо во Франціи, не имѣютъ у насъ никакого смысла. У насъ верховная власть, сосредоточенная въ рукахъ Государя, есть выраженіе государственнаго и народнаго единства. Въ этомъ значеніи, она также мало противуположна народу, какъ голова туловищу и составляетъ органическую часть политическаго тѣла — Русской Имперіи. Ея назначеніе — давать единство различнымъ отправленіямъ этого политическаго тѣла, разрѣшать взаимныя столкновенія различныхъ элементовъ, произносить послѣднее слово тамъ, гдѣ разные интересы

не могутъ сами придти къ соглашенію и грозятъ нарушить гармонію цѣлаго. Для выполненія этого призванія нѣтъ никакой надобности, чтобъ верховная власть сосредоточивала въ себѣ всю народную жизнь, держала народъ въ опекѣ, осуждала его на нѣмоту и бездѣйствіе, одной себѣ предоставляла починъ во всемъ и въ своихъ рукахъ сосредоточивала все управленіе, судъ и законодательство. Какъ въ физическомъ организмѣ жизнь разлита повсюду, какъ въ немъ каждая точка живетъ своею жизнью и лишь малая доля органическихъ отправленій доходитъ до сознанія и направляется волею, такъ и въ здоровомъ, нормально живущемъ политическомъ тѣлѣ верховная власть есть одна изъ функцій, и не можетъ, безъ существеннаго вреда для него и для себя, замѣнить собою всѣ остальныя; это притомъ и физически невозможно и на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ; на самомъ дѣлѣ фикція сосредоточенія всѣхъ властей въ рукахъ верховной власти переходитъ въ произволъ окружающихъ и наконецъ въ полную анархію. По этому задача правильной политической организаціи состоитъ въ томъ, чтобъ всѣ отправленія государства, въ томъ числѣ и представляемыя верховною властью, совершались правильно, безъ помѣхи одна другой,

и всѣ въ совокупности вели къ сохраненію и возможно полному развитію государственнаго и народнаго организма.

Существующее теперь въ Россіи государственное устройство находится съ этими требованіями и задачами въ вопіющемъ противурѣчіи. Оно передаетъ всю власть исключительно въ руки тѣхъ, кто обступаетъ Государя и на самомъ дѣлѣ существуетъ только для ихъ пользы. Благодаря такому устройству, тѣсный кружокъ управляетъ Россіей именемъ верховной власти. Государство точно отдано этому кружку въ кабалу, можетъ жить и дышать, думать и говорить только въ той мѣрѣ, какъ позволяетъ кружокъ. Всякая попытка открыть глаза на такое противуестественное положеніе дѣлъ считается у насъ нарушеніемъ правъ самой верховной власти и карается какъ преступленіе.

Для самовластія камарильи въ Россіи конституція на европейскій ладъ была бы сущимъ кладомъ. Она сохранила бы всю административную власть нераздѣльно въ ея рукахъ, удержала и еще усилила бы противуположеніе власти народу и народа власти, на чемъ теперь опирается всемогущество камарильи. Къ теперешнему государственному механизму прибавились бы только двѣ палаты, изъ которыхъ

одна была бы исключительно въ рукахъ той же камарильи, а другую всегда можно обойти или разогнать, когда это нужно. Словомъ, конституція только укрѣпила и упрочила бы, прикрывъ либеральными и легальными формами, существующій у насъ теперь порядокъ дѣлъ и подготовила бы въ будущемъ революцію, не только политическую, но и соціальную, какъ неизбѣжное послѣдствіе обмана и притѣсненія, облеченныхъ въ форму законности. Намъ нужна не кукольная комедія публичныхъ свободъ, какую не побоялось разыграть передъ своими подданными, на нашихъ глазахъ, даже турецкое правительство, а дѣйствительное, глубокое, коренное преобразованіе всей нашей правительственной организаціи и системы сверху до низу, въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ они были задуманы и проведены Петромъ Великимъ. Эту организацію и систему надо возстановить, въ главныхъ чертахъ и основныхъ началахъ, въ полной силѣ, съ тѣми лишь видоизмѣненіями и дополненіями, какихъ требуютъ условія нашего времени, успѣхи знанія и политической опытности и большая зрѣлость русскаго народа.

Законодательная и судебная власть должны быть высвобождены изъ подъ теперешней рабской зависимости отъ администраціи и получить

вполнѣ самостоятельное значеніе. Теперь каждый Министръ, каждый Начальникъ отдѣльной части, есть законодатель для своего вѣдомства, а если онъ лицо вліятельное, то и для другихъ вѣдомствъ. Государственный Совѣтъ раздѣляетъ законодательныя функціи со множествомъ другихъ учрежденій, но не имѣетъ права самъ возбуждать законодательныхъ вопросовъ, а обсуждаетъ только то, что ему предложено, и по даннымъ, которыя ему представлены. Всѣ эти условія отнимаютъ у него всякое серьозное значеніе. Вдобавокъ, онъ наполняется военными, гражданскими, придворными и дипломатическими чиновниками, которыхъ въ него обыкновенно сажаютъ за преклонностью лѣтъ, или негодностью къ службѣ. Огромное ихъ большинство ничего не смыслитъ въ дѣлахъ законодательства.

Столько же печальна доля нашего высшаго судебнаго учрежденія. Кассаціонный Сенатъ, образованный въ нынѣшнее царствованіе по злосчастному французскому образу, поставленъ подъ опеку и указку Министра Юстиціи, который наполняетъ его не юристами, а чиновниками, циркулярами отмѣняетъ его толкованіе законовъ, къ чему онъ уполномоченъ своимъ органическимъ уставомъ и совершенно произвольными распоряженіями не-

кажаетъ и отмѣняетъ существеннѣйшіе законодательныя постановленія, обеспечивающія самостоятельность суда въ Россіи. Подъ давленіемъ администраціи, которая періодически урѣзываетъ аттрибуты суда, при вліяніи на него всемогущей прокуратуры, чрезъ которую Наполеонъ подчинилъ административному произволу отправленіе правосудія, наше судебное вѣдомство приравнено къ другимъ, многочисленнымъ отраслямъ администраціи и породнилось съ политической полиціей.

Объ администраціи, которая поглотила у насъ и законодательную и судебную функціи, было подробно говорено выше. Благодаря ея уродливому развитію на счетъ всѣхъ другихъ функцій, мы утратили всякое понятіе о справедливости и объ обязательности закона. Вся администрація сосредоточена у насъ въ единоличныхъ органахъ власти, въ рукахъ министровъ и равныхъ имъ чиновниковъ, которые въ дѣйствительности ничѣмъ не ограничены и дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь законами, которые отмѣняются по докладу тѣхъ же Министровъ, высочайшими повелѣніями.

При такомъ положеніи, первою и главною задачею коренной реформы центральнаго управленія Имперіи должно быть, съ одной сто-

роны, возвращеніе законодательству и суду ихъ дѣйствительнаго значенія и полной самостоятельности, а съ другой — введеніе административной власти въ должные предѣлы. Обѣ эти цѣли могутъ быть вполнѣ достигнуты, помимо европейскихъ конституціонныхъ уставовъ, учрежденіемъ трехъ независимыхъ другъ отъ друга Сенатовъ — законодательнаго, судебнаго и административнаго. Сенаты не ограничиваютъ верховной власти Государя и не суть его органы, какъ гласитъ теорія Свода Законовъ. Одинъ изъ нихъ проектируетъ законы, другой завѣдываетъ судомъ, третій управляетъ внутренними дѣлами государства — все подъ верховной санкціей Императора. Законы и важнѣйшія дѣла по судебному и административному управленію представляются на его одобреніе и утвержденіе предсѣдателями Сенатовъ. Безъ такого одобренія и утвержденія Императоромъ Сенатскія постановленія не имѣютъ силы правительственныхъ мѣръ и рѣшеній. Пользы Имперіи, убѣжденіе въ необходимости строгаго порядка въ отправленіи государственныхъ дѣлъ, сознаніе мѣста, занимаемаго верховною властью въ общемъ государственномъ строѣ — вотъ что послужитъ для Государя достаточно сильнымъ побужденіемъ, чтобъ воздержаться отъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣръ и верховныхъ рѣшеній помимо Сенатовъ, безъ выслушанія ихъ заключеній. Всякія другія ограниченія верховной власти въ Россіи, кромѣ идущихъ отъ нея самой, были бы невозможны и потому, какъ иллюзіи и самообольщеніе, положительно вредны. Нѣтъ ничего опаснѣе для государства, какъ неисполнимые уставы. Они создаютъ мнимыя права и воображаемыя обязанности, вымышленныя нарушенія и фиктивныя гражданскія доблести. Смущая совѣсть и спутывая понятія, они вносятъ только разладъ въ дѣйствительную жизнь.

Каждый изъ Сенатовъ долженъ состоять изъ представителей верховной власти по ея назначенію и изъ равнаго имъ числа представителей земствъ по ихъ свободному избранію. Тѣмъ и другимъ вмѣстѣ должно быть предоставлено выбрать спеціалистовъ и представителей интеллигенціи, число которыхъ не должно однако превышать числа выборныхъ отъ земствъ, или назначенныхъ отъ короны. — Отъ назначаемыхъ и избираемыхъ въ судебный Сенатъ необходимо требовать извѣстныхъ условій юридическаго образованія и практической опытности въ дѣлахъ правосудія. По объему своей дѣятельности, Судебный Сенатъ можетъ быть составленъ изъ вдвое меньшаго

числа членовъ, чѣмъ остальные два Сената. Обновленіе личнаго состава Сенатовъ полезно производить не вдругъ, а частями, такъ чтобъ черезъ четыре или пять лѣтъ каждый Сенатъ обновлялся вполнѣ, при чемъ должно быть допущено новое назначеніе или избраніе того же лица на слѣдующее пятилѣтіе. Предсѣдатели Сенатовъ утверждаются Императоромъ изъ числа двухъ или трехъ кандидатовъ, избираемыхъ каждымъ Сенатомъ изъ своей среды. Никакихъ затѣмъ прокуроровъ, опекуновъ и надзирателей Сенатовъ не нужно. Они непосредственно подчинены верховной власти, которой докладываютъ о своихъ предположеніяхъ и заключеніяхъ чрезъ своихъ предсѣдателей. Внутри себя Сенатамъ предоставляется организоваться по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами и кругомъ занятій. Каждый Сенатъ имѣетъ право, въ случаѣ надобности и по своему усмотрѣнію, производить ревизіи и изслѣдованія въ предѣлахъ своего вѣдомства и возбуждать вопросы, относящіяся къ предметамъ его занятій. Члены Сенатовъ несмѣстимы до окончанія срока, на какой они назначены или избраны и подлежатъ отвѣтственности передъ судомъ только за свои дѣйствія, а не за мнѣнія и ихъ выраженіе. Каждый сенатъ представляетъ Государю годовой

отчетъ о своей дѣятельности и о состояніи ввѣренной его завѣдыванію части. Отъ Государя зависитъ соединять Сенаты въ общее засѣданіе для разсмотрѣнія дѣлъ, какія признаетъ нужнымъ передать на ихъ обсужденіе и соединять предсѣдателей Сенатовъ, для той же цѣли, въ общее присутствіе.

Административному Сенату должны быть подчинены всѣ отрасли внутренней администраціи Имперіи. Вмѣсто министровъ, управляющихъ теперь ими, учреждаются, по каждой вѣтви управленія, главные директоры, состоящіе подъ распоряженіемъ, завѣдываніемъ, наблюденіемъ и контролемъ административнаго Сената, даютъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ и обязаны руководиться во всемъ его указаніями, предписаніями и инструкціями. Изъ теперешнихъ Министерствъ должны быть оставлены только четыре: Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, Военное, Морское и Императорскаго Двора. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Двора изъемляются совершенно изъ подъ всякаго подчиненія административному Сенату; военная же и морская часть находятся подъ надзоромъ и контролемъ Сената, наравнѣ съ прочими, только по дѣламъ хозяйственнаго управленія и выполненію бюджетовъ. Часть кон-

трольная входитъ вполнѣ въ кругъ завѣдыванія административнаго Сената. Ему же должны быть непосредственно подчинены политическая полиція, цензура, земства, города и губернаторы. Эти отрасли управленія, учрежденій и должности представляютъ нѣчто самостоятельное, и потому завѣдываніе ими отнюдь не должно сливаться съ тою и другою специальною отраслью управленія и подчиняться ея особеннымъ, исключительнымъ цѣлямъ. Теперь же мы видимъ противное. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, управляя вмѣстѣ съ цензурой, земствами, городами и полиціей безопасности и спокойствія невольно переноситъ въ исчисленныя отрасли управленія полицейскіе взгляды, подчиняетъ ихъ полицейскимъ цѣлямъ, къ несомнѣнному и очевидному вреду государства.

Законодательный Сенатъ долженъ сосредоточивать въ себѣ всѣ законодательные вопросы Имперіи и подготовлять ихъ къ рѣшенію. Нынѣшняя разбросанность законодательныхъ функцій есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ господствующаго у насъ хаоса и безурядицы въ управленіи. Для законодательства и кодификаціи должно быть одно учрежденіе, которое бы выработывало законопроекты въ общей связи со всѣмъ законодательствомъ, а не урывками, въ разсыпную, какъ это дѣлается теперь въ безчисленныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ и комитетахъ. При новой Государственной организаціи, всѣ законодательныя предположенія, возникающія по завѣдыванію судомъ и администраціей, переходятъ изъ судебнаго и административнаго Сенатовъ въ законодательный, въ которомъ подвергаются дальнѣйшему и окончательному обсужденію. Второе отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи и соотвѣтствующія ему учрежденія военнаго и морскаго вѣдомства, остзейскій Комитетъ и всѣ подобныя учрежденія или непосредственно подчиняются законодательному Сенату, или упраздняются.

Судебный Сенатъ долженъ быть учрежденъ не въ видѣ судебной или кассаціонной инстанціи, а въ видѣ высшаго государственнаго учрежденія для завѣдыванія и управленія судебною частью въ цѣлой Имперіи. Такое учрежденіе, равное съ законодательнымъ и административнымъ Сенатомъ, необходимо для того, чтобъ дать суду полную самостоятельность посреди другихъ отраслей государственнаго управленія. Судъ есть охранитель закона. Онъ оберегаетъ его неприкосновенность, его дѣйствительное, точное исполненіе не только частными лицами, но и правительственными

учрежденіями и должностными лицами. Вотъ почему судебное управленіе Государствомъ должно въ Судебномъ Сенатѣ имѣть свой центръ, равносильный законодательному и административному. Министерство Юстиціи, которому, съ самаго начала текущаго столѣтія, было ввѣрено управленіе судебною частью, по своему административному и бюрократическому характеру унизило и убило самостоятельность Сената и правосудія въ Россіи, а теперешній Министръ Юстиціи доказалъ самымъ несомнѣннымъ и очевиднымъ образомъ, что никакія гарантіи самостоятельности и независимости суда, торжественно утвержденныя и провозглашенныя верховною властью, не могутъ ужиться съ Министерскимъ произволомъ и всегда будутъ имъ попираться подъ самыми ничтожными предлогами. Справедливость и строгое исполненіе законовъ немыслимы у насъ, пока министерскій произволъ правитъ судомъ въ Россіи и пока судебное управленіе не будетъ ввѣрено центральному учрежденію, достаточно самостоятельному и сильному, чтобъ отстоять независимость суда отъ всякихъ посягательствъ, съ какой бы стороны они ни возникали.

Таково назначеніе судебнаго Сената. Для дѣлъ судебной администраціи при немъ можетъ

находиться главный Директоръ Юстиціи, но онъ долженъ быть поставленъ въ такую же зависимость отъ судебнаго Сената, какъ другіе главные директоры отъ административнаго Сената, и находиться подъ его наблюденіемъ, руководствомъ и контролемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Нотаріатъ, межевая часть и ипотекарныя учрежденія должны быть, равнымъ образомъ, подвѣдомственны Судебному Сенату.

Какъ сказано выше, Судебный Сенатъ только управляетъ судебною частью въ Имперіи, наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ правосудія, за точнымъ исполненіемъ законовъ, а не есть ни судебная, ни кассаціонная инстанція для текущихъ судебныхъ дѣлъ. Поэтому въ немъ разсматриваются и обсуждаются уголовные и тяжебные процессы только въ той мѣрѣ, какъ они возбуждаютъ общіе законодательные вопросы, или указываютъ на необходимость какихъ либо общихъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій.

Рука объ руку съ преобразованіемъ государственныхъ учрежденій должно идти коренное измѣненіе условій государственной службы. Ни центральныя учрежденія Имперіи, ни сама верховная власть не въ состояніи поставить

предѣлъ административному произволу и беззаконію, пока органы власти, — должностныя лица находятся въ теперешнемъ не нормальномъ положеніи. Законъ, въ одно и тоже время, отдаетъ ихъ на совершенный произволъ начальниковъ, а частныя лица и народъ на такой же произволъ должностныхъ лицъ, ограждая послѣднихъ отъ отвѣтственности за свои служебныя дѣйствія передъ судомъ усмотрѣніемъ начальства, или, въ лучшемъ случаѣ, довѣряя ихъ преданіе суду не судебной власти, а особому присутствію, въ которомъ участвуютъ представители и суда и администраціи. Такимъ образомъ, все направлено къ тому чтобъ выдѣлать изъ чиновниковъ рабскихъ слугъ, безотвѣтныхъ приказчиковъ начальства, исполняющихъ не законъ, а его волю. Не только народъ и публика, но сами министры давно отвыкли видѣть въ чиновникахъ органъ правительства, исполнителя закона, въ условіяхъ и предѣлахъ, какіе имъ поставлены. Одинъ изъ нашихъ теперешнихъ министровъ наивно сравнивалъ чиновниковъ съ купеческими приказчиками и сидѣльцами — до того утратилось у насъ понятіе о должностномъ лицѣ! При возможности, какую даетъ законъ уволить любаго чиновника безъ объясненія причинъ, такой взглядъ совершенно естественъ. Цѣлыя

арміи такихъ министерскихъ приказчиковъ и сидѣльцевъ опутываютъ Россію до отдаленнѣйшихъ ея угловъ. Министерства, какъ бріареи, пропускаютъ свои тысячи рукъ всюду, и съ тѣми громадными полномочіями, какими вооруженъ каждый изъ нихъ, дѣлаютъ что хотятъ. Пока государственная служба и ея представители будутъ находиться въ такомъ, во всѣхъ отношеніяхъ исключительномъ положеніи, какая власть и сила на землѣ въ состояніи сломить худшій изъ видовъ деспотизма — безграничный произволъ чиновничества?

Чтобъ новыя центральныя Государственныя учрежденія могли дѣйствительно обновить Россію, необходимо, чтобъ чиновникъ былъ огражденъ отъ самовластія его начальника, а народъ и публика защищены отъ произвола чиновника. Для достиженія этой двоякой цѣли необходимо постановить, что должностное лицо не можетъ быть подвергнуто взысканію, перемѣщенію, или увольненію отъ службы, безъ его желанія и воли, иначе какъ по суду за преступленіе, или по приговору коллегіальнаго административнаго учрежденія, составленнаго изъ экспертовъ и лицъ, независимыхъ по своему положенію отъ начальства обвиняемаго — за нерадивость, неисполнительность или неспособность къ отправленію служебныхъ обя-

занностей. Нѣчто похожее на несмѣстимость чиновника иначе, какъ по суду существовало прежде и у насъ. Увольняя чиновника, начальство было обязано объяснить причины, а чиновникъ, считая что его уволили несправедливо, могъ требовать суда. Но и эти слабыя гарантіи отмѣнены въ минувшее царствованіе. Теперь каждый офицеръ, каждый солдатъ обеспечены болѣе, чѣмъ любой чиновникъ.

Несмѣстимость должностнаго лица есть первое, главнѣйшее условіе правильнаго государственнаго устройства. Только при этомъ условіи можно требовать, чтобъ чиновникъ неисполнялъ противузаконныхъ приказаній начальства, не боясь быть выброшеннымъ на улицу, съ семействомъ, безъ куска хлѣба. Начало несмѣняемости безъ суда или приговора административной коллегіальной инстанціи не примѣнимо только къ высшимъ должностнымъ лицамъ бюрократическаго управленія — главнымъ Директорамъ, Губернаторамъ, призваніе и дѣятельность которыхъ выходитъ изъ ряда обыкновенной служебной распорядительности и исполнительности по текущимъ дѣламъ и требуютъ особыхъ административныхъ способностей, талантовъ, образованія, опытности и извѣстнаго взгляда на дѣло. Но и они, подобно другимъ, должны быть ограждены отъ

бюрократическаго произвола и ихъ увольненіе или перемѣщеніе должны быть предоставлены постановленію Сенатовъ, каждаго о подчиненныхъ ему лицахъ.

Упрочивъ положеніе должностнаго лица, оградивъ его отъ произвола, необходимо, въ тоже время, усилить и его отвѣтственность за каждое незаконное дѣйствіе по отправленію служебныхъ обязанностей. Для этого надо, прежде всего, точнымъ и яснымъ образомъ установить предѣлы властей каждой должности, въ чемъ у насъ теперь чувствуется большой недостатокъ и подчинить чиновника непосредственной отвѣтственности передъ судомъ за каждое незаконное дѣйствіе по службѣ, не только по требованію его начальства, другаго должностнаго лица или учрежденія или по обвиненію прокурорскаго надзора, но и по жалобѣ всякаго частнаго лица, до котораго незаконное служебное дѣйствіе коснулось, чьи права или интересы имъ нарушены. Надо совершенно отмѣнить всѣ преграды непосредственной отвѣтственности чиновника передъ судомъ, устранить предварительное согласіе начальства на его судебное преслѣдованіе, не принимая въ видѣ оправданія, что чиновникъ нарушилъ законъ, исполняя предписаніе начальства.

Огражденное такимъ образомъ закономъ отъ произвола начальниковъ и отвѣтственное за всѣ свои дѣйствія передъ судомъ, наше чиновничество скоро поднимется нравственно и займетъ въ отправленіи дѣлъ и народномъ мнѣніи то почетное мѣсто, какое ему принадлежитъ по праву какъ органу и представителю государственнаго управленія.

Соотвѣтственно съ сказаннымъ выше необходимо преобразовать коренным образомъ и наше теперешнее мѣстное управленіе.

Въ губерніяхъ и уѣздахъ происходитъ у насъ теперь въ маломъ видѣ тоже самое, что въ правительственномъ центрѣ. Неурядица и хаосъ царятъ вездѣ и во всемъ. Вѣдомствъ, учрежденій, должностныхъ лицъ — многое множество, столько, что народъ не знаетъ, къ кому обратиться съ своими нуждами и просьбами, да и сами правительственныя мѣста и лица часто въ недоумѣніи, которому изъ нихъ подлежитъ то или другое дѣло. Вдобавокъ, многосложная машина нашего мѣстнаго управленія не имѣетъ связующаго центра, расползается на множество отдѣльныхъ вѣдомствъ, которыя находятся между собою въ постоянныхъ пререканіяхъ и войнѣ, точно они не

органы одного и того же правительства, а дипломатическіе агенты различныхъ непріязненныхъ другъ другу державъ. Каждое вѣдомство заботится только о томъ, чтобъ угодить своему начальству, выгородить его и себя, а до общаго дѣла, до общей пользы, никому нѣтъ дѣла, да и не такъ поставлены вѣдомства, чтобъ имъ кто нибудь сказалъ доброе слово или спасибо за работу объ общемъ благѣ, хотя бы только той мѣстности, гдѣ они дѣйствуютъ, Каждое преобразованіе — освобожденіе крестьянъ, учрежденіе земствъ, судебная реформа, отмѣна винныхъ откуповъ и акцизное управленіе, введеніе новой системы контроля, устройство военныхъ округовъ создавали въ губерніяхъ и уѣздахъ новыя вѣдомства, прибавляли къ существующимъ новыя учрежденія и должности, отчего неурядица и хаосъ мѣстнаго управленія постепенно все росли и росли. На каждое новое учрежденіе и вѣдомство старыя накидывались съ озлобленіемъ, какъ на чужака, пока оно, мало по малу, не втягивалось въ общій строй и не покрывалось одною съ ними плѣсенью. Судъ, земство, коренныя управленія, крестьянскія и городскія учрежденія, столь различныя между собою по своему значенію и по мысли законодательства, приняли однообразный, всѣмъ имъ общій ха-

рактеръ казенныхъ канцелярій, между которыми только опытный глазъ съумѣетъ открыть видовыя отличія. Такому нагроможденію разнокалиберныхъ, неспѣтыхъ между собою присутственныхъ мѣстъ и должностей надо было придать хоть какое нибудь единство, — и вотъ вздумали, съ этою цѣлью, усилить и поставить выше всѣхъ полицейскую власть губернаторовъ. Но подчинить имъ и контроль и земство и судъ было бы до того странно, что даже ярые поборники полицейскаго принципа не рѣшились на этомъ настаивать. Не смотря на то, вѣра въ спасительное начало сильной полицейской власти, можетъ быть, въ концѣ концовъ и взяла бы верхъ, еслибъ всегдашнее стремленіе всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ выгородиться и занять совершенно независимое отъ другихъ положеніе не превозмогло надъ всѣми другими соображеніями. Губернаторъ — чиновникъ Министерства внутреннихъ дѣлъ; ни одинъ министръ, ни одно вѣдомство, не могли желать, чтобъ ихъ чиновники были подчинены чиновнику другаго вѣдомства, другаго министерства. Допустить это значило бы косвенно признать зависимость своего министерства отъ другаго, что, разумѣется, немыслимо по нашимъ понятіямъ. Вслѣдствіе того, вопросъ о правильной организаціи и единствѣ

мѣстнаго управленія сведенъ на порядокъ обмѣна вѣжливостей между главными представителями мѣстнаго управленія и на право губернаторовъ требовать удаленія изъ службы мелкихъ чиновниковъ, которыми нежалко было пожертвовать. Благодаря этому обстоятельству, судъ, контроль еще сохранили тѣнь независимости отъ губернаторской власти; но земства, подчиненныя тому-же министерству что и Губернаторы и за которыя некому было заступиться, выданы послѣднимъ головою.

Такому печальному положенію нашего провинціальнаго управленія не трудно положить конецъ, принявъ за основаніе тѣже общія начала преобразованія, на которыя указано выше. Къ коренной реформѣ мѣстнаго управленія необходимо приступить одновременно съ преобразованіемъ государственнаго управленія; по тѣснѣйшей ихъ связи между собою, одно преобразованіе невозможно безъ другаго.

Правительственная администрація, судъ и мѣстное хозяйственное самоуправленіе, представляя три различныхъ отправленія мѣстной общественной жизни, должны быть сосредоточены въ трехъ различныхъ, другъ отъ друга независимыхъ органахъ: губернскомъ административномъ совѣтѣ, судебныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ.

Правительственная или коронная администрація въ губерніяхъ должна быть сцентрализована въ губернскомъ административномъ совѣтѣ, составленномъ изъ представителей всѣхъ казенныхъ и административныхъ вѣдомствъ, завѣдывающихъ на мѣстахъ различными отраслями управленія и равнаго имъ числа выборныхъ отъ мѣстнаго земства, подъ предсѣдательствомъ губернатора, подчиненнаго, какъ сказано, непосредственно административному Сенату. На окончательное разрѣшеніе этого совѣта должно быть передано множество текущихъ дѣлъ, входящихъ теперь въ Министерства, Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ и первый Департаментъ правительствующаго Сената. Здѣсь должны быть разрѣшаемы пререканія между различными вѣдомствами по дѣламъ мѣстнаго короннаго управленія и сюда же должны поступать, на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе, отчеты мѣстныхъ представителей всѣхъ вѣдомствъ о ходѣ управленія и состояніи завѣдываемыхъ ими частей. Эти заключенія, вмѣстѣ съ отчетами, представляются потомъ административному Сенату и главнымъ директорамъ по принадлежности. Губернскимъ административнымъ Совѣтамъ предоставляется издавать въ случаѣ надобности, общія правила и принимать общія мѣры по губерніи, не выходя изъ границъ дѣйствующихъ законовъ, ходатайствовать о пользахъ и нуждахъ края и входить въ административный Сенатъ съ представленіями, относящимися къ служебной дѣятельности должностныхъ лицъ по губерніи. Наконецъ, административные губернскіе совѣты представляютъ административному Сенату срочные отчеты о своей дѣятельности и состояніи края.

При губернскихъ административныхъ совѣтахъ должны состоять, подъ завѣдываніемъ одного изъ ихъ членовъ, статистическіе бюро, гдѣ сосредоточиваются и обработываются статистическія данныя о краѣ, безъ которыхъ въ мѣстномъ, какъ и въ центральномъ управленіи, нельзя шагу ступить.

Предсѣдатель губернскаго административнаго Совѣта, какъ сказано, есть Губернаторъ. Ему непосредственно подчинена полиція безопасности и спокойствія; въ управленіи же всѣми прочими дѣлами онъ принимаетъ участіе только въ качествѣ и на правахъ предсѣдателя совѣта. Если бы понадобилось, подобные административные совѣты могли бы быть учреждены и по уѣздамъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ исправниковъ.

Такая организація мѣстнаго короннаго у-

правленія, устранила бы, мало по малу, замѣчаемые въ немъ теперь существенные недостатки. Оно получило бы взаимную связь и единство, которыхъ теперь совсѣмъ лишено. По меткому выраженію петровскихъ законовъ „разсѣянная сія храмина“ была бы „паки собрана.“

Исполнительная власть, по существу своему единоличная и бюрократическая, была бы, при такой организаціи, удержана въ лицѣ коронныхъ членовъ совѣта, завѣдывающихъ различными отраслями мѣстной коронной администраціи. Но теперь эта единичная власть подчинена безусловно усмотрѣнію Министровъ, а тогда она была бы поставлена подъ контроль и наблюденіе другихъ мѣстныхъ представителей центральной власти и мѣстныхъ выборныхъ отъ земствъ. Замѣна далекаго бумажнаго контроля Министерствъ живымъ, непосредственнымъ, близкимъ надзоромъ мѣстныхъ учрежденій и мѣстныхъ жителей, которымъ извѣстенъ каждый шагъ чиновника, действующаго у нихъ подъ глазами, принесло бы дѣлу управленія несомнѣнную пользу.

Безконечныя теперь столкновенія и пререканія между вѣдомствами, сильно вредящія дѣлу управленія, прекратились бы сами собой,

вслѣдствіе вмѣшательства центральнаго мѣстнаго учрежденія, облеченнаго властью разрѣшать такія недоразумѣнія и указывать каждому предѣлы его дѣятельности и власти.

Одной изъ важнѣйшихъ услугъ губернскихъ административныхъ совѣтовъ было-бы и то, что они, освобождая центральное правительство отъ массы мелочныхъ дѣлъ, которыя теперь обременяютъ его безъ всякой нужды и замедляютъ ходъ управленія, ограничили бы произволъ центральной бюрократіи, умѣрили бы силу ея дѣйствія на мѣстахъ и обратили ея дѣятельность на предметы болѣе серьозные и дѣйствительно полезные для государства.

Наконецъ, учрежденіе мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ дало бы возможность существенно упростить и сократить центральное управленіе государствомъ, получившее, особливо въ настоящее царствованіе, чудовищные размѣры.

Возраженія, которыя у насъ дѣлаются противъ такого устройства мѣстнаго управленія суть или политическаго свойства, или вытекаютъ изъ недовѣрія къ культурнымъ силамъ страны. Одни думаютъ, что такое устройство, значительно усиливъ и расширивъ аттрибуты мѣстной администраціи, дало бы, особливо при несмѣняемости чиновниковъ, слиш-

комъ большой вѣсъ мѣстнымъ элементамъ надъ центральными, а это, въ нѣкоторыхъ окраинахъ, особливо въ западныхъ, польскихъ и остзейскихъ губерніяхъ, повело бы къ ослабленію ихъ государственной и политической связи съ Имперіей. Другіе, признавая пользу и необходимость такой реформы, ссылаются на низкій уровень культуры и образованія въ провинціяхъ и на крайній въ нихъ недостатокъ людей порядочныхъ, серьозныхъ и дѣльныхъ, какъ на непреодолимое препятствіе къ ея осуществленію.

Что касается до перваго возраженія именно до политической неблагонадежности нашихъ окраинъ, до разсыпчатости Русской Имперіи, то такой взглядъ есть плодъ совершенно ошибочнаго пониманія нашего настоящаго положенія.

Когда присоединенныя къ Россіи области были только-что завоеваны, а главное, пока въ нихъ господствовали сильные высшіе классы, представлявшіе собою край, и мѣстные жители были лишь слѣпыми орудіями въ рукахъ этихъ высшихъ классовъ, — отторженіе этихъ областей и краевъ отъ Россіи, образованіе изъ нихъ самостоятельныхъ державъ было еще дѣломъ возможнымъ. Съ богатымъ, вліятельнымъ, могучимъ и политически развитымъ

меньшинствомъ, его вкусами, привычками, стремленіями и историческими воспоминаніями приходилось считаться. Тяготясь своимъ положеніемъ, это меньшинство могло произвести возстаніе, отложиться, или передать присоединенный край изъ подъ власти Россіи подъ другую державу. Бывшіе подобные примѣры могли возбудить такія опасенія и въ нашемъ правительствѣ. Но теперь миновали времена, когда подъ страной, народомъ, краемъ и государственные люди и завоеватели и публицисты и историки разумѣли одно вліятельное меньшинство, высшіе классы. Недавно присоединенныхъ краевъ на сѣверѣ и западѣ у насъ нѣтъ. Послѣдняя изъ новопріобрѣтенныхъ здѣсь владѣній — Финляндія, какъ мы увидимъ, не идетъ въ счетъ, такъ какъ она не находится въ составѣ Имперіи и объ измѣненіи этого положенія Финляндскаго Великаго Княжества не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, ни въ Остзейскихъ Губерніяхъ, ни въ Литвѣ и Польшѣ нѣтъ больше вліятельнаго высшаго сословія, которое могло бы, по своему желанію, распорядиться судьбами этихъ краевъ и вызвать въ нихъ возстаніе. Центръ тяжести народной жизни мало по малу перемѣстился и въ этихъ краяхъ изъ меньшинства въ большинство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прежнія пружины дѣятель-

ности и мотивы, которые могутъ вызвать въ нихъ волненія, глубоко измѣнились. Народныя массы крѣпко держатся своихъ обычаевъ и унаслѣдованныхъ вѣрованій и только грубымъ ихъ нарушеніемъ можно возбудить открытыя возстанія народа; затѣмъ, крайне тяжелое экономическое положеніе также способно раздражить большинство до смутъ и волненій. Но изъ за историческихъ воспоминаній, изъ за теоретическихъ принциповъ, изъ за политическихъ правъ народныя массы не подымаются и не перемѣняютъ однихъ властителей на другихъ. Мы считаемъ задними числами, опасаясь, что прибалтійскій край, Литва, Польша, Малороссія, Бессарабія могутъ отвалиться отъ Имперіи, какъ только ослабнетъ желѣзная рука, которая ихъ теперь держитъ въ составѣ русскаго Государства. Съ освобожденіемъ крестьянъ и упадкомъ политическихъ владѣльческихъ классовъ, съ уничтоженіемъ политическаго значенія церкви и духовенства, меньшинство уже не въ состояніи увлечь большинство за собою. Оставьте за людьми ихъ языкъ и вѣру, откройте имъ средства для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, не давите ихъ чрезмѣрными налогами, введите сносное управленіе, и никакія въ мірѣ приманки не въ состояніи будутъ поколебать политической вѣрности

массъ. Введеніе мѣстныхъ элементовъ во внутреннее управленіе присоединенными краями, при такихъ условіяхъ, не можетъ возбуждать ни малѣйшихъ опасеній: никакого политическаго значенія эти элементы не имѣютъ; а ихъ общественное, соціальное значеніе слишкомъ важно, чтобъ имъ можно было пренебрегать; напротивъ, мы должны ими воспользоваться, чтобъ еще болѣе скрѣпить связь присоединенныхъ областей съ Имперіей. Пусть великорусскій элементъ составляетъ ея ядро. Онъ слишкомъ многочисленъ, могучъ и состоятеленъ, чтобъ могъ когда нибудь утонуть и расплыться въ морѣ инородныхъ стихій. Напротивъ, съ ихъ притокомъ несомнѣнныя и замѣчательныя качества этого племени дополнятся и обогатятся тѣмъ, чего ему недостаетъ и чѣмъ обладаютъ, въ большей или меньшей степени, наши западные и сѣверные инородцы. Нужно только прежде всего заботиться о томъ, чтобъ имъ было хорошо жить вмѣстѣ съ нами, въ одномъ союзѣ, а этого мы достигнемъ всего вѣрнѣе лишь тогда, когда, отбросивъ несчастную и безплодную мысль обратить ихъ въ великоруссовъ, введемъ ихъ, какъ полноправныхъ гражданъ русской Имперіи, въ обладание всѣми тѣми правами, какими пользуются жители великорусскихъ губерній. Вся наша

политическая задача въ краѣ съ смѣшаннымъ, разнороднымъ населеніемъ должна ограничиться однимъ уравновѣшеніемъ различныхъ народностей и зоркимъ наблюденіемъ, чтобъ меньшинство не поработило себѣ большинства, народной массы, обезземеленіемъ или властью капитала надъ трудомъ. Все остальное, и прежде всего распространеніе въ присоединенныхъ областяхъ нашего языка и нашей вѣры, должно быть предоставлено естественному ходу вещей и никакъ не можетъ быть предметомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Русскій языкъ распространится всюду самъ собою, когда полезно и нужно будетъ его знать; наше вѣроисповѣданіе проникнетъ всюду само собою, если оно, по внутреннему своему содержанію, окажется болѣе согласнымъ съ духомъ христіанства, чѣмъ другія, исповѣдуемыя инородцами и если русская церковь будетъ имѣть своихъ вдохновенныхъ проповѣдниковъ и миссіонеровъ. Насильственное введеніе русскаго языка, насильственное распространеніе православія есть медвѣжья услуга нашему естественному вліянію на присоединенныя области и, какъ показалъ недавній опытъ въ Западномъ краѣ, можетъ вести къ раздраженію народной массы.

Живымъ примѣромъ и подтвержденіемъ

правильности такого взгляда служитъ Финляндія. Она присоединена къ Россіи сравнительно недавно, существуетъ на правахъ особаго государства, имѣетъ свои законы, свои финансы, свою конституцію, свою таможенную линію, свою монету; вдобавокъ Финляндцы и не очень насъ долюбливаютъ, какъ народъ. Сколько, казалось бы, поводовъ опасаться, что Финляндія отложится отъ Россіи! И что же? Финляндцы — вѣрные наши союзники, тянутъ къ Русскому Государству и ни мало не желаютъ перемѣнить теперешняго своего положенія на другое. И такъ, если для того, чтобъ удержать за нами Финляндію вовсе не оказалось опаснымъ предоставить ей свободныя учрежденія и полуполитическую автономію, подъ глазами Швеціи, отъ которой она отвоевана, то какая же можетъ быть опасность отъ предоставленія мѣстнымъ инородческимъ элементамъ участія въ управленіи ихъ мѣстными дѣлами въ тѣхъ областяхъ и губерніяхъ, которыя входятъ въ составъ Имперіи, когда онѣ, притомъ даже несовпадаютъ съ предѣлами бывшихъ тамъ прежде самостоятельныхъ государствъ и будутъ управляться совершенно одинаково съ коренными великорусскими губерніями? На правахъ колоніи и присоединенныхъ краевъ, подъ особымъ управленіемъ,

должны находиться только мѣстности пустынныя, или съ крайне рѣдкимъ населеніемъ кочевниковъ или бродящихъ народцевъ, стоящихъ на ступени первобытной культуры и которыя, по крайне низкой гражданственности, не представляютъ еще никакихъ условій для правильной въ нихъ организаціи мѣстнаго управленія. Въ такихъ мѣстностяхъ, по самому существу дѣла, не могутъ и не должны быть вводимы учрежденія, о которыхъ мы здѣсь говоримъ. Такія края и мѣста слѣдуетъ выдѣлить изъ мѣстной Имперіи съ осѣдлымъ населеніемъ, съ болѣе или менѣе развитою гражданственностью, и открыть для свободнаго заселенія и свободной дѣятельности выходцевъ изъ Имперіи, до тѣхъ поръ, пока онѣ не населятся и не будутъ готовы къ образованію изъ нихъ новыхъ губерній, съ правильнымъ мѣстнымъ управленіемъ. Вводя теперь въ эти пустынныя и дикія мѣста общія мѣстныя учрежденія, общіе порядки администраціи и суда, мы только понапрасну затрачиваемъ средства государства, чтобъ искусственно мѣшать въ тѣхъ краяхъ русской колонизаціи и разпространенію русской культуры.

Что касается до незрѣлости, неготовности собственно великорусскихъ и малороссійскихъ губерній, будто бы по низкой степени образо-

ванія, къ сколько нибудь самостоятельной и правильной мѣстной администраціи, то это тоже одно изъ самыхъ печальныхъ недоразуменій. У насъ все сколько нибудь порядочное, образованное, достаточное бѣжитъ изъ губерній въ большіе центры, или за границу. Причинъ такого обезлюденія провинцій очень много и онѣ очень разнообразны. Значительная доля абсентеистовъ, правда, желаетъ жить въ свое удовольствіе, любитъ удобства образованной жизни и не находя ни того ни другаго въ провинціяхъ, выселяется изъ нихъ въ столицы или въ Европу. Но далеко не всѣ абсентеисты оставляютъ родину и свои имѣнія по одной этой причинѣ. Очень многіе не находятъ въ провинціяхъ не только общественной и служебной дѣятельности, согласной съ ихъ нравственнымъ достоинствомъ, съ ихъ понятіями и воззрѣніями, но даже простой безопасности отъ произвола, капризовъ и населенія мѣстныхъ властей, отъ вопіющихъ нарушеній личныхъ и имущественныхъ правъ — нарушеній остающихся безнаказанными. Когда началось освобожденіе крестьянъ, когда были введены земскія учрежденія и мировой судъ, все порядочное и образованное бросилось изъ столицъ и изъ за границы въ провинціи служить по крестьянскимъ учрежденіямъ, по зем-

ству, по мировымъ судамъ, даже вступали въ коронную и полицейскую службу. Но министерство внутреннихъ дѣлъ поспѣшило охладить это усердіе цѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя скоро убѣдили, что несмотря на преобразованія, долженствовавшія влить новую жизнь въ нашу одряхлѣвшую правительственную машину, все останется у насъ по старому, пойдетъ плестись по той же ржавой колеѣ чиновничьяго произвола, насилія, безправія, обмана и взяточничества. Въ губерніяхъ, которыя считаются политически неблагонадежными или подозрительными, чиновничій гнетъ и произволъ не знаютъ ни границъ, ни стыда, и жители завидуютъ даже жалкимъ порядкамъ, подъ какими влачатъ свое существованіе великорусскія губерніи. Чтожъ удивительнаго, что порядочные и образованные люди, имѣющіе хоть какой нибудь достатокъ, толпятся и баклушничаютъ въ столицахъ и большихъ центрахъ, гдѣ спокойнѣе и относительно безопаснѣе, или на многіе годы оставляютъ отечество? Люди, почему либо осужденные жить въ провинціи, которые могли и хотѣли бы посвятить себя общественной дѣятельности на мѣстахъ, прячутся въ своихъ деревняхъ и не хотятъ имѣть ничего общаго съ порядкомъ дѣлъ, который сулитъ имъ однѣ непріятности и оскор-

бленія, безъ всякой надежды провести полезную мысль, измѣнить что либо въ безобразномъ ходѣ общественныхъ и служебныхъ дѣлъ. Вотъ почему въ провинціяхъ почти нѣтъ людей; вотъ почему тѣ немногіе, которые есть, теряются въ массѣ ничтожества и бездарности, посреди грубыхъ невѣждъ, хищниковъ и наглыхъ насильниковъ. Сколько нибудь сносное мѣстное управленіе, обуздавъ произволъ, беззаконіе и безправіе, открывъ возможность честнымъ, независимымъ и образованнымъ людямъ существовать въ провинціи, приложить свои труды и силы къ дѣламъ своихъ губерній, мало по малу приманило бы ихъ туда снова и положило бы конецъ сѣтованіямъ на абсентеизмъ, на низкую степень развитія общества въ губерніяхъ. Жаль, что статсъ-секретарь Валуевъ, указывая въ знаменитомъ своемъ докладѣ о плачевномъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи на абсентеизмъ, и приписывая это зло, главнымъ образомъ, освобожденію крестьянъ, ни однимъ словомъ не упомянулъ о причинахъ, на которыя мы указываемъ. Еслибъ онѣ были представлены Комитету Министровъ и доведены до высочайшаго свѣдѣнія, дѣло конечно не ограничилось бы предположеніемъ возложить на губернаторовъ и мѣстныя власти принять зависящія

мѣры, чтобъ не было абсентеизма; вѣроятно были бы придуманы какія нибудь другія, болѣе дѣйствительныя мѣры для достиженія этой цѣли. Въ настоящее время вся наша правительственная система искусственно производитъ и поддерживаетъ бѣгство просвѣщенныхъ и порядочныхъ людей изъ провинціи. Имъ нечего дѣлать въ губерніяхъ. Отданныя въ руки несостоятельнаго и негоднаго чиновничества, онѣ пустѣютъ и дичаютъ. Чтобъ работать съ самоотверженіемъ и успѣхомъ, надо приложить къ дѣлу сердце, душу, убѣжденіе, а люди съ такими качествами требуютъ судебныхъ гарантій, неприкосновенности правъ, возможности, стоя твердо на законной почвѣ, не бояться никого и доставить торжество правому дѣлу. Такимъ требованіямъ наше провинціальное управленіе не удовлетворяетъ и въ самой скромной мѣрѣ.

Что касается мѣстнаго судебнаго управленія, земскихъ и городскихъ учрежденій, то здоровые и разумные зачатки имъ уже положены реформами нынѣшняго царствованія; нужно только освободить и очистить судебные и земскіе уставы отъ тѣхъ искушеній, урѣзокъ и приставокъ, которымъ они подверглись въ интересахъ министерскаго и губернаторскаго произвола, къ существенному вреду государ-

ства и общества, законныхъ правъ, правильнаго веденія земскаго управленія и правосудія. Увѣчья, причиненныя земскимъ и судебнымъ уставамъ мы здѣсь не перечисляемъ: они всѣмъ извѣстны и понятны. Но возстановивъ права суда и земства въ полной силѣ, было бы необходимо подвергнуть тѣ и другіе пересмотру, чтобы придать имъ большую самостоятельность и независимость отъ чиновничьяго произвола. Въ особенности необходимо приблизить судъ и нотаріатъ къ населенію, сдѣлать ихъ болѣе доступными и сподручными массамъ народа, которыя въ нихъ нуждаются. Съ этою двоякою цѣлью очень было бы полезно преобразовать теперешніе волостные суды въ мѣстныя всесословныя судебныя (мировыя) учрежденія и значительно расширить аттрибуты теперешнихъ мировыхъ судей, а мировые съѣзды усилить нѣсколькими судьями по назначенію отъ правительства и превратить въ апелляціонныя инстанціи, устроивъ при нихъ, въ каждомъ уѣздѣ, нотаріатъ и ипотекарныя учрежденія; изъ окружныхъ же судовъ и судебныхъ палатъ большую часть, какъ излишніе при такомъ преобразованіи, закрыть, сохранивъ лишь сколько нужно, для управленія судебною частью на мѣстахъ и въ видѣ кассаціонныхъ учрежденій. Распредѣлить касса-

ціонное судопроизводство между несколькими мѣстами не представитъ никакихъ затрудненій съ отдѣленіемъ его отъ права толковать и разъяснять законы, которое, какъ сказано выше, должно быть предоставлено исключительно судебному Сенату. Независимо отъ этихъ преобразованій судоустройства, необходимо существенно измѣнить самый порядокъ судопроизводства. Введеніе участія присяжныхъ по дѣламъ гражданскимъ, отмѣна всѣхъ административныхъ ограниченій суда по раскрытію и преслѣдованію преступленій, какія бы они ни были и кѣмъ бы не были совершены, гласность уголовныхъ слѣдствій, отмѣна монополій прокурорскаго надзора по обвиненію передъ судомъ вотъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ, на которые должно быть обращено вниманіе при преобразованіи судебной части.

Въ такомъ направленіи должна быть произведена реформа нашихъ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій. На нее указываютъ условія нашего политическаго существованія въ прошедшемъ, настоящемъ и доступномъ предвидѣнію будущемъ. Такой государственный строй, а не конституціонные порядки въ

европейскомъ смыслѣ, освободитъ насъ отъ произвола администраціи, отъ многаго множества ненужныхъ учрежденій, должностей и инстанцій, отъ многосложной и безконечной переписки, отъ бумажнаго производства дѣлъ и представитъ всѣ необходимыя условія для того, чтобъ наконецъ и въ Россіи водворились законные порядки, неприкосновенность правъ, правильный ходъ управленія и судебныя гарантіи.

Но никакая реформа, какъ бы она ни была глубоко обдумана и честно выполнена, не осуществится на дѣлѣ, пока слово и печать не будутъ освобождены отъ тѣхъ стѣсненій и того произвола, которыми мы теперь снова доведены, какъ въ минувшее царствованіе, почти до совершенной, невольной нѣмоты. Послѣдній цензурный уставъ, какъ всѣ реформы нынѣшняго царствованія — крестьянская, судебная, земская, контрольная — отмѣненъ и дикіе цензурные порядки сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ возстановлены въ прежней силѣ, только безъ прежней прямоты и откровенности.

Отмѣна облегченій, данныхъ нашей печати въ первой половинѣ нынѣшняго царствованія, была одной изъ самыхъ крупныхъ и горестныхъ ошибокъ. Правительство хотѣло поразить революціонную мысль, революціонныя

стремленія, а на дѣлѣ убило свое лучшее, надежнѣйшее орудіе и союзника въ борьбѣ съ министерскимъ и чиновничьимъ произволомъ, съ нашимъ повальнымъ невѣжествомъ, съ безобразными общественными и домашними нравами. Только потому, что у насъ нельзя обсуждать печатно и гласно нашихъ государственныхъ и церковныхъ вопросовъ, могъ пустить въ Россіи корни безсмысленный радикализмъ, ежедневная пресса опошлѣла и живетъ скандалами, легкая насмѣшка и остроумное глумленіе вытѣснили серьозную мысль, обдуманныя воззрѣнія. Подавленіе свободнаго выраженія мнѣній вырвало у насъ съ корнемъ не одни плевелы, но вмѣстѣ съ ними и пшеницу. Наше юношество никогда не ударилось бы въ горестныя крайности или въ жуирство, наша администрація никогда не осмѣлилась бы такъ нагло нарушать законы и попирать права, въ публикѣ не могли бы ходить, безъ опроверженій, нелѣпѣйшіе слухи, укореняться дикія понятія и воззрѣнія, еслибъ свободному обсужденію и критикѣ былъ данъ просторъ съ ними бороться. Въ слѣпомъ страхѣ передъ невоздержностью, нескромностью и рѣзкостью печатнаго слова у насъ не поняли, что въ Европѣ не печать создала разрушительныя идеи и подготовляла революціи, а нестерпимые политическіе и общественные порядки, и что слѣдовательно бороться должно съ ними, а не съ печатью. Точно также у насъ опустили изъ виду, что печать, какъ и мѣстное управленіе, можетъ служить опаснымъ политическимъ орудіемъ только въ рукахъ могущественнаго и вліятельнаго высшаго сословія, аристократіи родовой, поземельной или денежной, которая держитъ весь народъ или край въ своей власти; тамъ же, гдѣ какъ напримѣръ у насъ, такого высшаго сословія нѣтъ, печать не имѣетъ политическаго характера и значенія, а есть лишь голосъ народныхъ нуждъ, критика законовъ, учрежденій, правительственныхъ распоряженій и мѣръ, даровая полиція нравовъ — правительственныхъ, общественныхъ и домашнихъ, и въ этомъ смыслѣ не только политически безвредна, но напротивъ есть полезнѣйшій, хоть можетъ быть и не всегда пріятный дѣятель образованія и культуры. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ какъ у насъ, нѣтъ сословій съ политическимъ значеніемъ, гдѣ интеллигенція теряется въ огромныхъ крестьянскихъ массахъ, вездѣ и всегда тяжелыхъ на подъемъ, печать совершенно безсильна ими ворочать. При такихъ условіяхъ, когда печатное слово имѣетъ какое нибудь значеніе только въ сравнительно неболь-

шомъ и политически безсильномъ кружкѣ высшихъ сословій, совершенно достаточно подвергнуть печать строгой отвѣтственности за распространеніе ложныхъ слуховъ, опасныхъ для авторитета правительства, за воззванія къ возстанію и нарушенію законовъ, за клевету, противъ кого бы она не была направлена, за явныя насмѣшки и глумленія надъ религіозными вѣрованіями, догматами и обрядами, за грубое и циническое нарушеніе благопристойности и приличія. Въ этихъ границахъ, указываемыхъ полиціею безопасности и благочинія, печатному слову и рѣчи должно быть предоставлена полная свобода, обеспеченная отвѣтственностью не передъ административной властью, а передъ судомъ; административной власти можетъ быть только предоставлено, въ особенно важныхъ случаяхъ, и подъ ея собственною отвѣтственностью, задерживать, съ немедленнымъ преданіемъ суду, произведенія, нарушающія законъ о печати; всѣ же прочія административныя предостереженія, право администраціи разрѣшать и запрещать періодическія изданія, утверждать редакторовъ и т. п. должны быть вовсе отмѣнены. Печать столичная и провинціальная, какъ одинъ изъ лучшихъ органовъ управленія, какъ единственная въ своемъ родѣ, ничѣмъ не замѣнимая и вѣр-

нѣйшая узда административнаго произвола и общественныхъ безобразій, должна быть оберегаема самимъ правительствомъ съ ревнивою зоркостью и постоянствомъ противъ всякихъ посягательствъ и подкоповъ, откуда бы они ни шли.

Совокупными усиліями государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій, правительственныхъ, судебныхъ, городскихъ и земскихъ и свободной печати, въ короткое время выяснятся и выдвинутся на первый планъ всѣ главнѣйшіе русскіе вопросы, стоящіе теперь на очереди и подготовится матеріалъ для ихъ правильнаго, разумнаго рѣшенія. Имя имъ — легіонъ. Нѣтъ въ Россіи отрасли управленія, которая не требовала бы кореннаго преобразованія, не только въ видахъ справедливости и цѣлесообразности, но въ очень многихъ случаяхъ изъ одного уваженія къ простому здравому смыслу, нагло нарушаемому настоящими порядками, безъ всякой надобности и пользы. Система податей и налоговъ, система народнаго образованія, торговые и промышленные уставы, все относящееся къ быту народныхъ массъ, законы гражданскіе и уголовные, законы полиціи безопасности и спокойствія настоятельно требуютъ тщательнаго пересмотра какъ въ осно-

ваніяхъ, такъ и въ подробностяхъ. Множество стѣснительныхъ мѣръ должны быть до чиста выметены изъ нашихъ законовъ, и на оборотъ, за многія злоупотребленія и преступленія, остающіяся теперь безнаказанными, должны быть опредѣлены строгія взысканія. Наши спеціалисты, практики и публицисты хорошо знакомы со всѣми этими вопросами, съ излишествами и пробѣлами нашего законодательства, но ихъ голосъ теперь заглушенъ равнодушіемъ, невѣжествомъ или своекорыстіемъ тѣхъ, кто обязанъ его выслушать и молчаніемъ, на которое осуждено у насъ всякое живое, правдивое слово. Правильная организація правительства и законная свобода печати и слова дадутъ всплыть наружу нашимъ дѣйствительнымъ потребностямъ и нуждамъ, уничтожатъ искусственныя теченія, вызванныя у насъ ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ и разсѣятъ призраки, пугающіе, посреди всеобщаго мрака, и народъ и правительство. Тогда взволнованное теперь море русской жизни и мысли войдетъ опять въ свои берега, положеніе существенно упростится, бредъ, лихорадка и тревожный сонъ, которые истощаютъ наши силы, уступятъ мѣсто спокойному, здоровому біенію общественнаго пульса, потому что всѣ наши болѣзни — результатъ про-

тивуестественныхъ условій, созданныхъ нашимъ правительственнымъ и административнымъ строемъ, а не органическими пороками нашей государственной и общественной жизни.

XIII.

Мы предвидимъ заранѣе, что намѣченной выше програмой преобразованія нашихъ государственныхъ учрежденій всѣ останутся недовольны. Поборники самодержавной власти въ Россіи найдутъ, что съ проведеніемъ такой реформы власть государей обратится въ ничто и станетъ лишь номинальной; насъ, вѣроятно, даже заподозрятъ въ тайномъ умыслѣ обольстить самодержавіе словами, усыпить его бдительность, съ тѣмъ, чтобъ подъ благовидными предлогами устранить его отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Многіе найдутъ, что государственныя учрежденія, сами избирающія своихъ предсѣдателей и всѣ главныя должностныя лица внутренняго, центральнаго и мѣстнаго управленія, которыхъ Государь только утверждаетъ, должны, по естественному ходу вещей, присвоить себѣ со временемъ всю власть. Съ такимъ же неудовольствіемъ встрѣтятъ нашу програму и тѣ, кто желаетъ для Россіи свободныхъ учрежденій и обеспеченія правъ. Въ глазахъ значительнаго большинства интелли-

генціи, совѣщательныя государственныя коллегіи, которыхъ дѣятельность и самое существованіе вполнѣ зависятъ отъ доброй воли государей, не представляютъ ничего прочнаго и постояннаго и не даютъ никакихъ гарантій. По этому взгляду, весь вопросъ законной свободы сводится къ ограниченію правъ короны, а именно въ этомъ смыслѣ наша программа не обѣщаетъ ничего.

Какъ ни противуположны обѣ эти точки зрѣнія на высказанныя нами мысли, но онѣ исходятъ изъ одной почвы, покоятся на одной и той же предпосылкѣ. И поборники самодержавной власти и желающіе ее ограничить, разсматриваютъ наше положеніе со стороны *политической*, именно идутъ отъ той основной мысли, что верховная власть и народъ — двѣ противуположныя другъ другу силы, которыя по своему существу, по своей природѣ, находятся между собою въ непрерывной, глухой и скрытой, или явной враждѣ. „Кто кого смога, тотъ того и врага" — вотъ точка отправленія всѣхъ политическихъ соображеній, и уравновѣшеніе властей — ихъ цѣль и задача.

Охотно сознаемся, что въ политическомъ смыслѣ наши предположенія о реформахъ не выдерживаютъ критики. Но мы напомнимъ и друзьямъ и противникамъ самодержавія, что

по нашему глубокому убѣжденію, высказанному не разъ въ этой брошюрѣ, политическая точка зрѣнія не примѣнима къ внутреннимъ дѣламъ Россіи, что противуположеніе власти народу и народа — власти не имѣетъ у насъ никакого смысла, что по этому политическое преобразованіе Русскаго государства невозможно и всякія попытки въ этомъ родѣ будутъ безплодны. У насъ настоятельно необходима коренная *административная* реформа. Откладывая ее, правительство подвергаетъ серьозной опасности и государство и власть и народъ. Но административная реформа, безъ которой не возможны у насъ никакія улучшенія, создастъ въ Россіи не политическія гарантіи, а только естественный, правильный порядокъ внутренняго управленія и слѣдовательно будетъ имѣть не политическій, а общественный, соціальный характеръ. Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы просимъ читателей обсудить нашу программу. Въ Россіи власть Государя неограниченна вслѣдствіе самаго соціальнаго строя Русскаго государства, въ которомъ нѣтъ рѣзко различенныхъ и враждебныхъ другъ другу сословій, кастъ и общественныхъ слоевъ; потому нѣтъ у насъ и условій для ограниченія самодержавія. Зная это, мы и не задавались невозможной задачей;

въ смыслѣ ограниченія правъ короны, уравновѣшенія властей, гарантій народныхъ правъ наша программа не имѣетъ никакой цѣны. Мы приняли въ ней неограниченную власть русскихъ государей какъ неоспоримый фактъ русской общественности и старались только уяснить себѣ, въ какихъ комбинаціяхъ этотъ коренной фактъ могъ бы принести наибольшую пользу Русской землѣ и Русскому государству. Комбинаціи, позаимствованныя изъ Европы съ начала текущаго столѣтія оказались, при нашихъ условіяхъ, не только негодными, но вредными и опасными и для народа и для власти. По нашимъ условіямъ, намъ нужна организація, которая не разобщала бы народъ и верховную власть, не создавала бы между ними противуположности и взаимной подозрительности, а напротивъ сближала бы ихъ и скрѣпляла это сближеніе единствомъ интересовъ, стремленій и цѣлей. Въ Европѣ высшіе слои народа заставили верховную власть подчиниться своей волѣ; у насъ высшіе слои остались политически безсильными и потому верховной власти не-отъ-кого себя отстаивать и не съ кѣмъ бороться внутри государства. Стоя лицомъ къ лицу съ цѣлымъ народомъ, она только въ его развитіи и успѣхахъ черпаетъ свою силу, могущество и упрочиваетъ

династію. Если Государи этого не понимаютъ и поступаютъ вопреки народнымъ и своимъ интересамъ — это великое несчастіе, великое народное бѣдствіе, противъ котораго безсильны всякія мѣры и всякія гарантіи. Обдумывая программу реформъ, мы не могли принять такой случайности въ разсчетъ. Мы предположили — и это кажется гораздо естественнѣе — что Государи, подобно народамъ и частнымъ лицамъ, желая добра себѣ и своему потомству, благоразумно вникаютъ въ то, что имъ можетъ быть полезно и вредно и съ этимъ сообразуютъ свои поступки. Но ставъ на эту точку зрѣнія, по нашему убѣжденію единственно правильную и во всякомъ случаѣ единственно возможную, мы должны были отбросить вопросъ, который у насъ дѣлается прежде всего: въ какой мѣрѣ та или другая организація ослабляетъ или напротивъ усиливаетъ политическую власть главы Государства. Мы считаемъ этотъ вопросъ совершенно празднымъ, думаемъ, что онъ только сбиваетъ насъ съ толку, спутываетъ наши понятія. У насъ, въ Россіи, ставится совсѣмъ другой вопросъ: правильно ли комбинированы въ государственныхъ учрежденіяхъ дѣятельность верховной власти и народа, въ видахъ государственной и общественной пользы? Въ этомъ отношеніи

ясному взгляду на вещи не рѣдко мѣшаютъ у насъ странные предразсудки, возникшіе у другихъ народовъ, по ихъ историческимъ обстоятельствамъ. Еще недавно институтъ присяжныхъ, земскія учрежденія, несмѣняемость судей, свобода слова и печати, хотя бы въ извѣстныхъ предѣлахъ, считались политическими гарантіями, ограниченіями верховной власти; теперь же они признаны даже у насъ мѣрами общественнаго и государственнаго благоустройства, неимѣющими ничего общаго съ политикой. Да и странно было бы думать, что все полезное для государства и общества есть уже непремѣнно ограниченіе верховной власти, точно будто ея неограниченность выражается только въ томъ, что вредно и нестерпимо для народа!

Но если стать на нашу точку зрѣнія и разсматривать нашу программу лишь въ видахъ государственной пользы, интересовъ верховной власти, народа и ихъ единенія, то наши предположенія представятся въ иномъ, мы позволяемъ себѣ надѣяться, болѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Глава громадной Имперіи физически не можетъ издавать законы, судить, управлять самъ. Что Государственный Совѣтъ, Сенатъ, Министры не иначе что какъ органы верхов-

ной власти, есть ошибочная и крайне вредная фикція, въ которой зарождаются и которой прикрываются нашъ административный произволъ и необеспеченность правъ. Мы думаемъ, что должностныя лица и учрежденія — органы государства, а не спеціально государя или народа. По нашей программѣ, въ образовании государственныхъ учрежденій одинаково участвуютъ и верховная власть и народъ, а въ назначеніи и смѣнѣ высшихъ административныхъ центральныхъ и мѣстныхъ чиновниковъ — верховная власть и высшія государственныя учрежденія: государь назначаетъ предсѣдателей Сенатовъ, главныхъ директоровъ и губернаторовъ, изъ числа представленныхъ ему Сенатами кандидатовъ. Къ такому способу назначенія мы пришли совсѣмъ не по политическимъ, а по слѣдующимъ чисто практическимъ соображеніямъ: во первыхъ, коллегіальнымъ учрежденіямъ ближе чѣмъ Государю извѣстны люди, ихъ способность къ службѣ, ихъ талантливость и нравственныя качества; во вторыхъ, при громадной силѣ царской власти, чиновники, непосредственно назначенные самимъ Государемъ, тотчасъ же выростутъ опять въ теперешнихъ полновластныхъ министровъ, и зависимость ихъ отъ коллегіальныхъ учрежденій, какъ теперь

Министровъ отъ Сената, станетъ мнимой, лишь на словахъ, отчего единство и правильный ходъ администраціи должны сильно страдать; наконецъ, въ третьихъ, на выборъ чиновниковъ самимъ Государемъ естественно всегда будутъ имѣть большее вліяніе придворные, непосредственно окружающіе Государя, и камарилья опять будетъ играть туже расплывающую, вредную для власти и народа роль въ дѣлахъ правленія, какую играетъ теперь. Что же касается законнаго и естественнаго вліянія Государя на избраніе высшихъ чиновниковъ то оно, по нашему проекту, выражается дважды: одинъ разъ въ участіи Сенаторовъ, непосредственно назначенныхъ самимъ Государемъ, въ выборѣ кандидатовъ, а другой разъ — въ избраніи Государемъ, по своему усмотрѣнію, одного изъ этихъ кандидатовъ въ должность. Такимъ образомъ, въ политическомъ смыслѣ, именно какъ ограниченіе верховной власти, предлагаемая нами организація государственныхъ учрежденій, участіе Сенатовъ въ опредѣленіи и увольненіи высшихъ чиновниковъ, не имѣютъ никакого значенія; но они имѣютъ величайшую важность въ административномъ и общественномъ отношеніи. Въ наушникахъ и клеветникахъ, въ эгоистахъ, прикидывающихся вѣрнопредан-

нѣйшими слугами, никогда не было и не будетъ недостатка. Государь, какъ и другіе, можетъ ошибаться, имѣть свои пристрастія и предубѣжденія. Необходимо, чтобъ онъ слышалъ и зналъ мнѣнія не однихъ своихъ приближенныхъ, но и взглядъ коллегіальныхъ органовъ управленія, которые, стоя близко къ дѣламъ и къ тому что происходитъ въ государствѣ, лучше могутъ знать людей и безпристрастнѣе цѣнить ихъ дѣятельность, чѣмъ придворные и царскіе угодники.

Точно также, нельзя видѣть ограниченія верховной власти въ сосредоточеніи всего внутренняго государственнаго управленія въ трехъ центральныхъ учрежденіяхъ. По нашей программѣ, они не имѣютъ между собой никакой другой связи, кромѣ власти Государя; его рѣшенія составляютъ для нихъ высшій законъ; ихъ личный составъ обновляется, въ короткіе промежутки времени, на половину, по его усмотрѣнію; наконецъ, придворный штатъ, отношенія къ другимъ государствамъ, военныя, сухопутныя и морскія силы остаются внѣ круга дѣйствій трехъ Сенатовъ.

Тѣмъ, которые признаютъ нашу программу неспособной ввести существенныя улучшенія въ нашъ государственный и общественный бытъ, потому что въ ней опущены полити-

ческія гарантіи, мы замѣтимъ, что не верховная власть враждебна интересамъ и правамъ народа, а олигархія, которая, осѣдая и кристаллизируясь около престола, разобщаетъ верховную власть отъ народа и правитъ государствомъ ея именемъ. Кому дороги не сами по себѣ политическія формы, дающія талантамъ, знаніямъ и гражданской доблести возможность и случай выказаться, а тѣ блага, которыя достигаются этими формами — законный порядокъ, ненарушимость суда и судебныхъ рѣшеній, неприкосновенность правъ, законный просторъ для вѣрованій, мысли, слова, знанія — тотъ едва-ли рѣшится оспоривать, что подчиненіе произвола министровъ и чиновниковъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ, наравнѣ съ представителями короны, участвуютъ и выборные отъ страны, способно дать Россіи именно то, въ чемъ она всего болѣе нуждается, и если не совсѣмъ устранить, то по крайней мѣрѣ существенно ослабить зло, которое губитъ наши силы, поддерживаетъ у насъ безправіе и анархію. Естественное призваніе верховной власти состоитъ въ охраненіи правъ и законнаго порядка; а у насъ уродливая организація доводитъ невольно до безумной мысли, будто существо самодержавія заключается въ правѣ поступать несправедливо и

неразумно, нарушать права и дѣлать зло. Противъ такого взгляда до сихъ поръ возмущались русской народъ и огромное большинство русской интеллигенціи. Вѣрное чутье подсказываетъ имъ, что зло, которое мы терпимъ, происходитъ отъ ошибочныхъ взглядовъ правителей, отъ ихъ слабостей, отъ дурныхъ совѣтниковъ, отъ обмана и лжи, которыми верховная власть окружена безпрестанно, болѣе, чѣмъ кто либо, такъ какъ около нея есть чѣмъ поживиться и нагрѣть руки. Долго-ли будетъ, несмотря ни на что, сохраняться въ большинствѣ русскаго народа такой вѣрный, простой и естественный взглядъ на верховную власть — трудно сказать; что система нашего внутренняго управленія всячески ослабляетъ и искореняетъ такой взглядъ — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По этому, первой задачей государственной реформы въ Россіи будетъ — противупоставить, въ глазахъ государя, правду неправдѣ, правильный взглядъ на дѣло себялюбивымъ внушеніямъ окружающихъ, дать верховной власти возможность, въ каждую данную минуту, знать дѣйствительное положеніе дѣлъ въ государствѣ и услышать самыя разнообразныя сужденія о всѣхъ вопросахъ, касающихся Имперіи. При такихъ условіяхъ, рѣшеніе Государя, въ о-

громномъ большинствѣ случаевъ, будетъ непремѣнно разумное, справедливое и безпристрастное. Верховной власти всегда полезно и выгодно быть разумной, справедливой, безпристрастной, и прочныя государственныя учрежденія, и твердо основанный порядокъ дадутъ ей точку опоры, въ которой она крайне нуждается, но которой теперь у насъ, къ несчастію, вовсе не имѣетъ.

Заключимъ эти разсужденія однимъ общимъ замѣчаніемъ.

Всякая страна, всякій народъ, имѣютъ свои судьбы, обусловленныя всей обстановкой и ходомъ историческаго развитія, и потому-то формы государственнаго и общественнаго быта не могутъ быть у всѣхъ народовъ одинаковы, а должны быть согласованы съ обстоятельствами при которыхъ страна или народъ живутъ.

Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ явленіе, невиданное и небывалое въ мірѣ. Основный фактъ русской общественности — это крестьянство, владѣющее землей, въ которомъ всѣ прочіе общественные разряды и классы изчезаютъ, по своей малочисленности, какъ песчинки. Передъ этимъ характернымъ фактомъ, неимѣющимъ себѣ подобнаго, блѣднѣютъ всѣ наши прочія особенности и отличія отъ другихъ народовъ.

Европейцы называютъ такой общественный складъ демократическимъ, однако онъ не имѣетъ съ тѣмъ, что они называютъ демократіей, рѣшительно ничего общаго, и отъ такого смѣшенія, подъ однимъ названіемъ, явленій совершенно разнородныхъ, происходитъ, главнымъ образомъ, путаница всѣхъ нашихъ понятій. Зерно европейской демократіи, состоя изъ обезземеленныхъ народныхъ массъ и городскаго пролетаріата, представляетъ элементъ движенія, которое естественно зарождается и поддерживается въ массахъ вслѣдствіе матеріальныхъ лишеній. Охранителями общественнаго строя и порядка отъ напора демократіи являются въ Европѣ немногочисленные владѣющіе и зажиточные классы, противъ которыхъ и борется обиженный и обездоленный простой народъ.

У насъ совершенно на оборотъ. Владѣющій крестьянинъ есть, въ цѣломъ мірѣ, прирожденный охранитель, консерваторъ. Гдѣ крестьяне-землевладѣльцы составляютъ, какъ у насъ, почти весь народъ, тамъ охранительные элементы покоятся въ народныхъ массахъ, а незамѣтное меньшинство, высшіе слои общества и интеллигенціи представляютъ элементы движенія. Въ Россіи эта микроскопически малая часть народа, по своему положенію, не

имѣетъ и не можетъ имѣть политическаго вѣса. Въ силу этихъ двухъ условій, русская мысль, съ тѣхъ поръ что она поднялась до сознанія, всегда была свободна отъ сословныхъ и всякихъ другихъ предразсудковъ, всегда имѣла широкій размахъ и полётъ и въ тоже время всегда была политически безсильна и безвредна. Еслибъ мы не смотрѣли на себя сквозь европейскіе очки, мы давно бы оцѣнили громадную важность этихъ своеобразныхъ явленій русской жизни и воспользовались бы ими какъ слѣдуетъ. Но мы твердя зады европейской исторіи, считаемъ развитіе русской мысли опаснымъ въ политическомъ отношеніи и видимъ въ нашихъ землевладѣльческихъ крестьянскихъ массахъ что-то похожее на демократію — пугало европейскихъ консерваторовъ!

Далѣе: вездѣ, гдѣ народныя массы, сознательно или безсознательно, получаютъ преобладаніе въ народной жизни, непремѣнно образуется сильная центральная власть. Это общій, неизмѣнный законъ человѣческихъ обществъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ и другихъ. Примѣненіе этого же закона мы можемъ наблюдать и въ жизни русскаго народа. Здѣсь не мѣсто объяснять какое значеніе этого закона, и въ чемъ заключается его

связь съ условіями общественной и государственной жизни. Замѣтимъ только, что тамъ гдѣ народныя массы вышли побѣдительницами изъ борьбы съ насѣвшими на нихъ и угнетавшими ихъ высшими слоями, гдѣ онѣ сознаютъ свои силы и политическое значеніе, тамъ центральная власть дышетъ политическими страстями, вынуждена льстить массамъ, хитрить съ ними, чтобъ какъ нибудь ими управлять. Цезаризмъ вездѣ живетъ обманомъ, ложью и беззаконіемъ. Рожденный борьбою, онъ носитъ на себѣ ея неизгладимую печать. Но гдѣ народныя массы высвободились изъ подъ гнета и достигли гражданскихъ правъ и владѣнія землей силою обстоятельствъ, вслѣдствіи реформъ, въ то еще время, когда нетерпѣніе стать на свои ноги не успѣло перейти въ озлобленіе, сословную ненависть и открытое возстаніе, тамъ верховная власть является во всемъ всемогуществѣ, неослажненная ненавистями и политическими страстями, вытекающими изъ борьбы и побѣды. Лгать и обманывать ей не для чего, ей не изъ чего льстить и унижаться; спорить съ ней некому, такъ какъ она обязана своимъ положеніемъ не побѣдѣ, а естественному ходу вещей, естественному развитію народной жизни.

Таковы необыкновенно счастливыя условія

власти Государей въ Россіи. Если, не смотря на то, они смотрятъ подозрительно на успѣхи и развитіе народной жизни, неласковы къ интеллигенціи, считаютъ непоколебимость правъ и законовъ помѣхою своему всемогуществу, то это плодъ крайне печальныхъ недоразумѣній, горестный результатъ несчастной привычки приравнивать явленія русской жизни къ явленіямъ жизни европейскихъ народовъ и переносить на первыя значеніе послѣднихъ. Этимъ грѣшатъ у насъ и государи и интеллигенція, и консерваторы и либералы. Противъ этого-то предразсудка должны быть направлены всѣ усилія тѣхъ, кому дороги интересы отечества. Когда мы, наконецъ, поймемъ, что въ Россіи власть и народъ, аристократія и демократія, консерватизмъ и прогрессъ совсѣмъ не то значатъ, что они выражаютъ въ устахъ нашихъ западныхъ сосѣдей, все остальное придетъ естественно, само собой.

XIV.

Таковъ общій смыслъ и направленіе преобразованій, которыми должно начаться дѣйствительное обновленіе Россіи. Мы только указываемъ на нихъ, не входя въ подробности реформы. Нашей главной цѣлью было — открыть глаза на корень зла, разогнать призраки, которые мѣшаютъ намъ ясно видѣть и понимать наше положеніе. Къ несчастію, правительство и образованное меньшинство все еще не могутъ отдѣлаться у насъ отъ обсужденія нашихъ дѣлъ съ европейской точки зрѣнія. Въ доброй волѣ быть русскими, недостатка у насъ нѣтъ, но мы не доросли до умѣнья думать по русски, т. е. понимать наши обстоятельства каковы они есть, не подводя ихъ непремѣнно подъ европейскую мѣрку, не придавая значеніе, какое они могли бы имѣть въ Европѣ, но не имѣютъ и не могутъ имѣть у насъ. Отсюда — политическія и соціальныя иллюзіи, радужныя или гнетущія, смотря по взгляду. Онѣ-то вызываютъ на дѣйствія и мѣры безполезныя, ненужныя или положительно вредныя и опасныя. Благодаря имъ мы живемъ въ какомъ то непостижимомъ самообольщеніи, и тратимъ безполезно здоровыя силы націи и государства. Иногда невольно спрашиваешь себя: да имѣетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, какую нибудь будущность страна, гдѣ правительство и образованный слой способны до такой степени жить фантазіями, и забывать почву, которая у нихъ подъ ногами? Правительство боится революціонныхъ движеній, сепаратизма, прессы, соціализма и коммунизма; старается аристократизировать про-

свѣщеніе классическими языками, по возможности задержать стремленіе массъ къ образованію и подозрительно слѣдитъ за его успѣхами; юношество ухитряется найти у насъ ґнетъ капитала надъ трудомъ, ему мерещится у насъ рабочій классъ и рабочій пролетаріатъ; солидные люди и само правительство серьозно думаютъ, что только конституціонныя гарантіи могутъ вывести насъ изъ теперешняго хаоса и безурядицы. Болѣе полной и всеобщей мистификаціи трудно себѣ представить! Мы сами создаемъ себѣ фантомы и живемъ съ ними, а дѣйствительная жизнь, не направляемая близкимъ знакомствомъ съ страною и яснымъ пониманіемъ ея обстановки и потребностей, идетъ сама по себѣ, какъ попало, — скучно, вяло, полудико, безобразно. Безпрестанно врываясь въ нее съ своими фантазіями, мы только больше её запутываемъ, дѣлаемъ её все болѣе и болѣе неустроенной и хаотической. Въ этомъ царствѣ мрака и миражей ни откуда не видно свѣта. Искупителемъ, новымъ Петромъ великимъ, будетъ у насъ тотъ, кто, обладая чутьемъ русской дѣйствительности, сново выдвинетъ её на первый планъ, возвратитъ ей, затертой и забытой, ея права и утраченное значеніе, не боясь никакихъ призраковъ и фантасмагорій.

Если же у насъ не народится такого человѣка, мы осуждены еще долго терять понапрасну лучшія силы на борьбу съ миражами, или во имя миражей, не подвигаясь впередъ ни умственно, ни нравственно, ни матеріально, пока насъ не отрезвитъ, внутри или извнѣ, какое нибудь великое народное бѣдствіе и мы не будемъ вынуждены, волей — не волей, опуститься изъ міра грёзъ въ міръ нашей печальной дѣйствительности. Дай Богъ, чтобъ пробужденіе не было слишкомъ поздно для нашего народнаго могущества, для цѣлости нашего государственнаго зданія и власти! Не позабудемъ, что народы не безнаказанно расточаютъ свои силы даромъ. Помимо нашихъ предразсудковъ, и фантазій, вольныхъ и невольныхъ заблужденій, стремленій и успѣховъ дурно понятаго себялюбія и узкаго эгоизма, есть неизмѣнный ходъ вещей, неумолимая логика фактовъ, которая не обращаетъ никакого вниманія на наши желанія и надежды, а выводитъ изъ того что мы дѣлаемъ то, что изъ него слѣдуетъ по существу дѣла, по самой природѣ вещей. Это и есть тотъ высшій судъ, котораго рѣшеній не отвратитъ ничто. Они безпощадно приводятся въ исполненіе надъ самыми виноватыми, или надъ ихъ потомками, за дѣла ихъ предковъ.
